ОГОНЕК

36

С новым годом

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

На ткацкой фабрике «Пролетарский авангард», в Вышнем Волочке (Калининская область), работает сменным мастером второго цеха Герой Советского Союза Иван Егорович Егоров. Его цех ежемесячно перевыполняет план. НА СНИМКЕ: Герой Советского Союза И. Е. Егоров с лучшей стахановкой своей смены Е. И. Архиповой.

Осоавиахимовская организация Московского шарикоподшипникового завода имени Л. М. Кагановича одна из первых в столице начала VII всесоюзные химические соревнования Осоавиахима. НА СНИМКЕ: звено медико-санитарного отделения командира Назаровой оказывает первую помощь пострадавшему.

Пограничники, охраняющие советскую границу на реке Прут, оказывают большую помощь населению в подготовке к выборам в Верховные Советы СССР и Молдавской ССР. НА СНИМКЕ: пограничник П. С. Пономарев, отличник боевой и политической подготовки, кандидат ВКП(б), разъясняет крестьянам пограничного села положение о выборах в Верховный Совет.

Постановлением правительства центр Аккерманской области УССР перенесен в город Измаил и область переименована в Измаильскую. НА СНИМКЕ: общий вид города Измаила; в центре постамент памятника, который будет воздвигнут великому русскому полководцу А. В. Суворову.

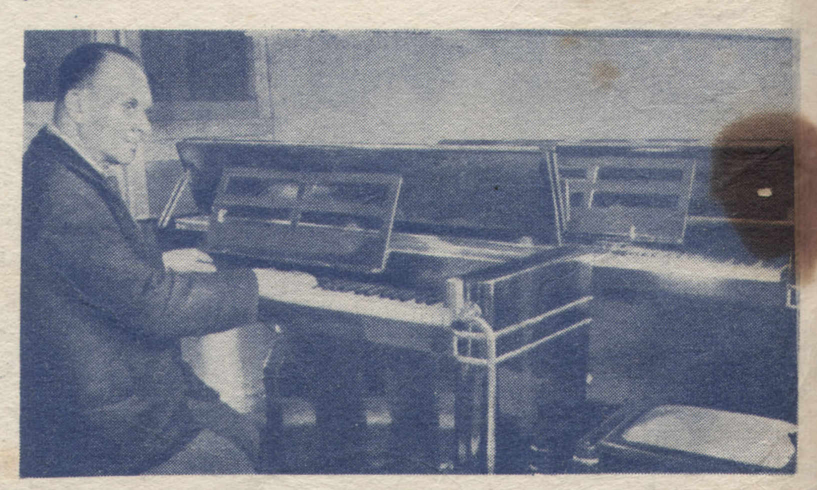

С улицы Горького — в переулок Садовских. Момент передвижки Московской глазной больницы.

Киевский музыкальный комбинат освоил впервые в Союзе выпуск портативных пианино «Миньон». НА СНИМКЕ (справа): первые экземпляры пианино «Миньон».

Во Дворце культуры Автозавода имени Сталина (Москва) открыта выставка народного изобразительного искусства. В выставке принимают участие более 300 художников-самоучек столицы. НА СНИМКЕ (слева): скульптура из пластелина «Враг сломлен» — работа инженера Наркомата речного флота Д. А. Коляденко.

На последней странице обложки: сцена из 2-го акта комедии „Валенсианская вдова" в Московском театре имени Ленинского комсомола. В роли Леонарды заслуженная артистка РСФСР С. Гиацинтова, Валерио — артист А. Вовси. Фото Б. Фабисовича.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 36
(723)
Понедельник, 30 декабря
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ярослав Смеляков

В ПРЕДДВЕРЬЕ СОРОК ПЕРВОГО

Так повелось, что в серебре метели,
в глухой тиши декабрьских вечеров,
оставив лес, идут степенно ели
к далеким окнам шумных городов.

Средь сутолоки праздничного рынка
они стоят — повадка какова! —
отставив ноги в смоляных ботинках,
зеленые расправив рукава.

И, веселясь, готовят горожане
для украшенья жительниц лесных
базарных нитей тонкое сиянье
и грубый блеск игрушек расписных.

Откроем дверь: пусть в комнаты сегодня
в своих расшитых валенках войдет,
осыпан хвоей елки новогодней,
звеня шарами, сорок первый год.

Мы все готовы к долгожданной встрече:
в торжественной минутной тишине
покоем дышат пламенные печи,
в ладонях елок пламенеют свечи,
и пляшет пламень в искристом вине.

В преддверье сорок первого, вначале
мы прожитое оценить должны.
Мои товарищи сороковой встречали
не за столом, не в освещенной зале —
в жестоком дыме северной войны,

Стихали орудийные раскаты,
и слушал затемненный Ленинград,
как чокались гранаты о гранату,
штыки — о штык, приклады — о приклад.

Не для потехи загорались ели,
когда сыны моей родной земли
в тулупчиках, в пороховых шинелях
сквозь черный лес в молчании прошли.

Мы не забудем и не забывали,
что батальоны наши наступали,
неудержимо двигаясь вперед,
как наступает легкий час рассвета,
как после вьюги наступает лето,
как наступает сорок первый год.

Прославлен день тот самым громким словом,
когда, разбив тюремные оковы,
к нам сыновья Прибалтики пришли.
Мы рядом шли на празднестве осеннем,
и я увидел в этом единеньи
прообраз единения земли.

Еще за то добром помянем старый.
что он засыпал длинные амбары
шумящим хлебом осени своей
и отковал своей рукою спорой
для красной авиации моторы,
орудия для красных батарей.

Спокойны лица наших командиров.
Пусть новый год на многие года
пройдет меж нас с цветущей ветвью мира,
с эмблемою свободного труда.

Мы ждем гостей — пожалуйте учиться!
Но если вдруг горбатенькая птица
с подарком прилетит пороховым,—
сотрем врага. И это так же верно,
как то, что мы вступили в сорок первый
и предыдущий был сороковым.

Фото А. Устинова

Илья Эренбург

НОЧЬ ЕВРОПЫ

Это не сценарий фильма, не сюжет новеллы, но подлинное событие, происшедшее год тому назад, в ночь на первое января. Английское торговое судно приближалось к берегам Шотландии. Капитан, его жена и команда, встречая Новый год, весело чокались и пели. Вскоре после полуночи раздался взрыв: судно наскочило на мину. Капитан надел на жену спасательный пояс и потащил ее к борту; она упиралась, он подхватил ее и швырнул в воду. Капитан и команда погибли; женщину подобрали утром; газеты мелким шрифтом сообщили о происшествии. В ту же ночь на разных морях, на разных плотах и досках люди боролись со смертью. А потом десятки дикторов равнодушно перечисляли количество потопленных регистровых брутто-тонн.

Когда-то весело встречали Новый год города старой Европы. В Париже всю ночь люди ходили по бульварам; визжали карусели; в тысячах кафе и ресторанов надрывались саксофоны, рвались хлопушки, щелкали пробки шампанского; все было опутано пестрыми лентами серпантина. Огни Лондона расплывались в тумане; сверкали цилиндры; в домах висели ветки омелы, и молодые под ними целовались. Неаполитанцы зажигали костры, пускали ракеты, пили сладкое вино и пели сладкие романсы. Чинный Берлин в «вечер Сильвестра» вытаскивал карнавальные колпачки и конфети.

Теперь темно в Европе. Дома черные, как будто у них выкололи глаза. Едва мерцают синие лампочки. Даже пастух нейтральной Швейцарии боится осветить свою деревянную избушку. Рыбаки заполярного Тромзе бродят весь день впотьмах. Люди постепенно очищают землю: они уходят в темь, вглубь, там они копошатся подобно кротам или червям. Сколько миллионов живых существ встретят этот Новый год в подвалах, среди грохота фугасных бомб и лая зениток, мечтая о вое сирены, возвещающей конец тревоги! Сном кажутся этим людям города, залитые светом, улицы, по которым можно пройти не спотыкаясь, золотые, как мед, окна домов, с домочадцами, собравшимися к ужину. Они тоскуют не по джазу, не по гудкам автомобилей, не по пробкам от шампанского: они тоскуют по тишине — вот высшее благо, которого теперь лишены жители Лондона и Берлина, Трондхейма и Бриндизи! А кто расскажет, какой лакомой может быть тишина после года сирен и бомб?..

Я слышал в одной французской деревушке грустную песню. Этой песне три века. Пела ее молодая женщина среди развалин:

«Когда с войны пришел
Жан Рено,
Был вечер и было темно.

Он рану свою прикрывал
рукой.
Мать его встретила за рекой.

— Радуйся, Жан, — сказала
она, —
Сына тебе подарила жена.

— Уж мне не радоваться
ничему,
И ни жене, ни сыну моему.

Смутное утро вошло в окно.
Крикнул петух. И умер Рено.

— Скажи мне, матушка, скажи
скорей:
Кто это плачет у наших
дверей?

— Это мальчик пошел
в подвал,
В подвале темно — он упал.

— Скажи мне, матушка,
скажи скорей:
Кто это стучит у наших
дверей?

— Это плотник к соседу
пришел,
Он стучит, починяет пол.

— Скажи мне, матушка,
скажи скорей:
Кто это поет у наших дверей?

— Это учат в школе ребят,
Ребята поют и шумят.

— Завтра крестины. Скорей
ответь:
Какое платье мне лучше
надеть?

— Белое ты надевала к венцу,
Черное платье тебе к лицу.

Утром в церковь она пошла,
Утром у церкви могилу
нашла.

— Рено, мой любимый,
надежда моя,
Зачем, зачем ты оставил меня?

Земля, расступись пред моей
мольбой,
Рено моего найду под тобой!

Земля расступилась, мольбе
вняла —
Ее и младенца она приняла».

Кончив петь, женщина сказала:

— Здесь жил мельник с внуком и с козой. Всех убили...

Утром люди выползают на землю, расчищают улицы, тушат пожары, хоронят убитых. Они стоят у станков: изготовляют авиомоторы и бомбы. Потом раздается голос сирены. И час спустя — новые развалины, новые тела в мертвецкой. Так изо дня в день; и кажется, слышишь ночью, как воют, умирая, города Европы.

В Париже, на улице Котентен, где я прожил много лет, жила старая газетчица. Ее мужа убили в 1916 году под Верденом. С трудом она вырастила сына. Когда началась вторая война, ему было двадцать четыре года. Он работал на заводе. Его отправили на фронт и там в декабре убили.

Есть французская поговорка: «Война кормит войну». Старым миром правили жадные и глупые люди. На версальском молоке были вскормлены те танки, которые двадцать лет спустя снесли города и виноградники Франции. Четверть века тому назад я был во Франции; я видел Верден, Шампань, битву на Сомме. Теперь я увидел те же самые города, испепеленные и обескровленные. Зачем их восстанавливали? Древние греки создали миф о Сизифе, который был обречен до скончания мира подымать на вершину горы тяжелый камень; с вершины камень катился вниз, и Сизиф снова начинал свою бесплодную работу. Капитализм обрек подвластное ему человечество на этот бесплодный труд: строить, чтобы разрушать, разрушать, чтобы строить.

Золя в романе «Разгром» описывает разрушенный город Седан. Я попал туда в 1913 году. Это был мирный провинциальный город; раны его затянулись, и только сторож музея, участник давних боев, повторял: «Вон там упал снаряд, и там, и там...» Год спустя снаряды снова сносили дома Седана. Потом снова трудились каменщики, а женщины Седана рожали детей. Прошло еще двадцать лет, и теперь вместо Седана груда развалин.

Сколько городов я видел мертвыми, воскресшими и снова мертвыми! Аррас, Амьен, Аббевиль... В Аргонском лесу бомбы уничтожили кладбища той войны — леса белых крестов. Возле Вердена земля едва успела очнуться: пятнадцать лет она оставалась бесплодной. Знаменитые виноградники Шампани вторично истреблены.

Сизифов труд — таков железный закон умирающего мира денег. В те годы, которые мы можем назвать короткой передышкой, перемирием между двумя войнами, капитализм продолжал свою разрушительную миссию. «Новый передел мира», «борьба за рынки, за сырье», но разве они могли справиться с тем добром, которое у них было? В странах, где изготовляли так называемые излишки мануфактуры, сотни тысяч ходили в лохмотьях, а фабриканты жаловались: «Нет рынков». В странах, производивших хлеб, к пшенице прибавляли краску эозин, чтобы она шла на корм скоту, а не людям; и рядом миллионы людей голодали. Жгли все: хлопок и кофе, мясо и книги. Сносили фабрики, чтобы был подорože ситец. Кидали назад в море рыбу, чтобы не продать ее задешево. Ежедневно уничтожали плоды тяжелого труда. А когда увидали, что и этого мало, с надеждой обратили свой взгляд на тонны бомб.

Все достижения человеческого ума, все чудеса техники капитализм посвятил одному — разрушению. Когда Золя в 1898 году впервые проехал в автомобиле из Парижа в Версаль, он заявил: «Это изобретение — новый проводник культуры и мира». Разве он мог подумать о гигантах-танках, которые уничтожают окрестности Парижа? После первого перелета через Ламанш Анатоль Франс воскликнул: «Человек в воздухе — это залог сближения между народами, братства и мира». Он не предвидел, что бомбардировщики обратят побережье Ламанша в край смерти.

Я видел вторую войну; я проехал из сердца Франции через Бельгию, Голландию и дальше — до границы Советской Литвы. Вытоптанные поля, сожженные дома, пустые города, молчаливые голодные люди, потерявшие близких и с тревогой прислушивающиеся к гудению авиомоторов, — вот Европа 1940 года! Гибнут исторические памятники, художественные ценности: сгорел древний Руан, а в нем изумительный Дворец правосудия, разрушены романский собор Ковентри, готические соборы Амьена и Лана, библиотека Лувена, сотни других прекрасных сооружений. Что будет с древностями Рима? Что станет с достоянием всего человечества — с Акрополем? Две тысячи лет не разрушили Парфенона. Кто знает, куда попадет очередная бомба?.. Европе не до прошлого, не до воспоминаний. Она бродит по пустырям, как беспризорная.

Европе и не до будущего: бомбы падают не только на музеи, но и на детские ясли; каждый день убивают и калечат детей. Я был в Париже, когда его бомбардировали двести сорок бомбардировщиков. Я видал и детские гробы и лица матерей, прижимавших к себе уцелевших ребят. Дети, надежда каждого народа, беззащитны, как цыплята под ястребом. Закрываются школы. Подростки ждут отправки на фронт. Младенцы примеряют противогазы.

Белинский говорил, что веселье парижского народа, гомон и смех этого города способны исцелить всякого. Я видел Париж, похожий на заколдованное царство, каменную пустыню, по которой бродят одинокие изумленные призраки.

Быт Европы напоминает страницы давней истории, великое переселение народов, чумные годы средневековья, тысячный год, когда суеверные люди жда-

ли светопреставления. Оседлая жизнь кончилась. Миллионы кочуют: одни — потому, что они боятся бомб, другие — потому, что у них нет больше дома, третьи — потому, что их гонят другие люди, четвертые — потому, что их гонит голод; беженцы, переселенцы, бездомные, безумные. Одни города переполнены: спят в автобусах, на улице, в подворотнях; другие пусты так, что проезжего пугает человеческий голос. Люди потеряли не только свет и тишину: они потеряли адреса. Европа стала перекати-поле...

Каждый город живет отдельно. Письма — сюрприз, роскошь. Письмо из одной страны в другую может идти три месяца, может и не дойти: это как бутылка, которую кидают в море тонущие. И насмешливо белеют в почтовых отделениях расписания воздушной почты, полтора года тому назад соединявшей все страны и все материки. Когда-нибудь я опишу мой путь через воюющую Европу; так ездили, вероятно, наши прадеды... А в большом европейском городе, где исчезли автомобили, люди еще стоят, выжидая, пока зеленый свет заменит красный: эти диски — алфавит мертвого языка.

Европа сохнет на голодном пайке. Даже римский папа не может больше есть любимые макароны. Кофе готовят из конской требухи, из сорняка, а мед — из опилок. Носят шляпы, сделанные из человеческих волос, и чулки, приготовленные из стекла. Ученые пишут трактаты о пользе для человеческого организма голода и холода: ведь нет и топлива...

Университеты закрылись или пустуют. В театрах ничтожные оперетки прерываются неожиданными антрактами: воздушной тревогой. На изумительных ротационных машинах печатают жалкие листки: нет бумаги, нет краски да нет и людей, которые могли бы писать: одни — под землей, другие — над землей, третьи — на земле, в лагерях. Маршал Петэн недавно изгнал из женских школ математику, заменив ее кулинарией: в голодной стране учат девочек, как из хорошей снеди изготовлять лакомые блюда...

В средние века, которые настолько сродни современной Европе, люди любили изображать «танец смерти»: смерть в саване, с косой приглашала все новых и новых танцоров. Этот танец теперь ожил. Империалисты разных стран вовлекают в свой танец все новые и новые страны. Пустыня на карте Европы расплывается, как масляное пятно: от Лофотенских островов, где когда-то мирные рыбаки ловили треску, до феллахов Египта. А другие народы, бледнея, ждут: когда их пригласят на новый тур вальса.

Велико несчастье каждого отдельного человека, каждой матери, каждого садовода перед сломанным деревцом, каждого художника перед уничтоженной картиной. Я думаю сейчас о мере человеческого терпения. Среди Лофотенских островов, которые я упомянул, имеются маленькие необитаемые островки, облюбованные разными морскими птицами. Эти птичьи республики настолько шумливы, что голоса их обитателей покрывают рев моря. Рыбаки Реста взбираются на отвесные скалы и собирают яйца морских попугаев, которые по вкусу напоминают куриные. Рыбаки мне рассказывали о мере терпения птиц: если забрать одно яйцо, самка снесет другое; если забрать второе, самка снесет третье; если забрать третье, птица улетит. Никто еще не видал четвертого яйца... Вспомним первую империалистическую войну: гибель миллионов, калеки на улицах всех европейских городов, разоренные, обнищавшие страны, развалины, могилы. Потом капитализм обещал мир, мир навеки, прогресс, благоденствие. Вспомним и эти двадцать лет: кризис, миллионы людей, выкинутых из жизни, безработицу, голод, лихорадку вооружений, уничтожение народного хозяйства, и могилы, могилы — от Шанхая до Малаги... А теперь у людей отбирают последнее: последнюю рубашку, последний ломоть хлеба, последнего ребенка. Птица может улететь. Человеку, даже если он стал кочевником, далеко не уйти. Он может все изменить, перелетев не моря, но века: от тысячного чумного года к веку братства народов, труда, человеческой солидарности.

Ночью из моей комнаты, с девятого этажа, я гляжу на огни Москвы. Этот ковчег плывет, полный света, среди ночи Европы. В отличие от ковчега писания на нем нет «чистых» и «нечистых»: люди разных языков, разной крови живут в нашей великой стране. Эту страну мы будем защищать, как своего ребенка, как свою любовь. Мы будем защищать не только огромное плодоносное пространство — от Карпат до Тихого океана, — мы будем защищать и наш век, новый век, окруженный черным прибоем средневековья.

Как-то в Голландии я жил на острове Вальхерен. Этот остров люди отвоевывали у стихии: он расположен ниже уровня моря. Остров окружен большими плотинами. Море пытается их прорвать; и непрестанно, день и ночь отряды рыбаков работают, укрепляя плотины. Мы живем не на маленьком острове, но в огромной стране. Как рыбаки Вальхерена, мы отвоевали нашу жизнь у разрушительной стихии — у стихии капитализма. Как рыбаки Вальхерена, день и ночь мы должны укреплять наши плотины. Об этом говорят огни Москвы. Об этом говорит и ночь Европы.

Пять месяцев длится воздушная «битва за Лондон», фактически являющаяся битвой за Англию. Миллионы бомб, фугасных и зажигательных, обрушивают германские бомбардировщики на английскую столицу. В свою очередь активно действуют все средства противовоздушной обороны. Бои над Лондоном дорого обходятся обеим сторонам; здесь сбита значительная часть германских и английских самолетов, которые отмечаются в сводках, как не вернувшиеся на свои базы. На фотоснимке, заимствованном нами из английского журнала «Сфир», показана часть Лондона ночью. Город освещен пламенем пожарищ.

В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Текст А. БЕЗЫМЕНСКОГО

НАПОЛЕОН:

— Стою растерянный, немой.
Не в силах вымолвить ни звука.

Ну что тут скажешь?.. Боже мой!
Какая страшная Вампука.

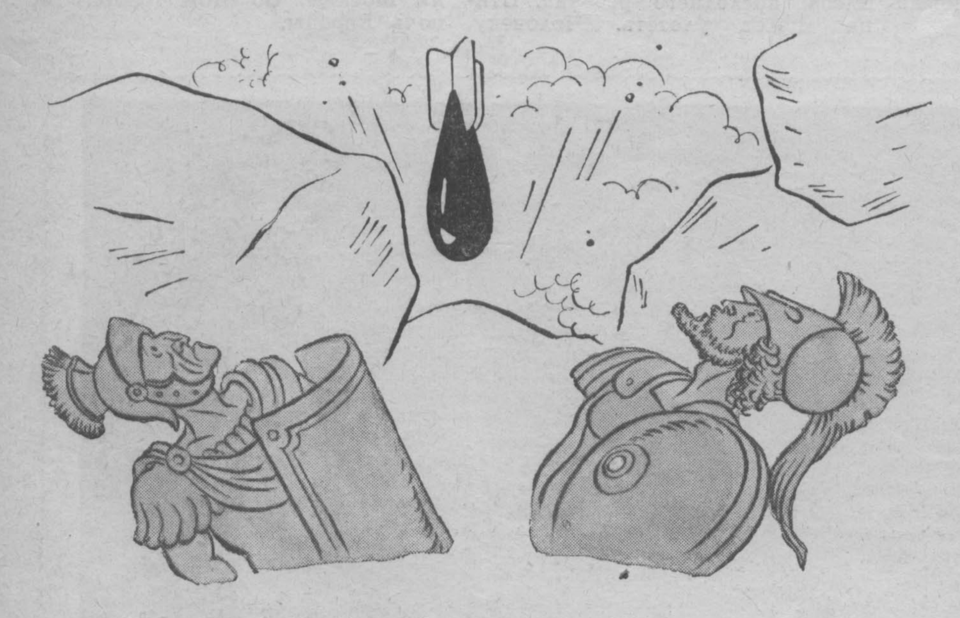

ВОПРОС:

— Чтоб с Лигой наций
повидаться,
Сошел с небес
Вильсон Вудро.
Неужли в справочных
бюро
Потерян адрес
Лиги наций?

ОТВЕТ:

— Вот все земные
адреса.
Вы зря пошли бродить
по свету.
Должно быть, кто-то
Лигу эту
Отправил к вам—
на небеса.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ И ЛЕОНИД СПАРТАНСКИЙ:

— Мы, войны страшные ведя,
Представить не могли вовеки,

Что могут римляне и греки
Погибнуть от свинцового дождя.

ЛОРД (МИСТЕРУ ПИККВИКУ):

— Тут все мое! Мое всецело!
Куда вы лезете, злодей?
Подите прочь! Какое дело
Мне, джентльмену, до людей!

НОБЕЛЬ:

— Давным-давно сижу на лавке,
Держу в руках заветный клад.
Но мир, должно быть, так богат,
Что нету ни одной заявки.

РУБЕНС И РЕМБРАНДТ (ВАН-ДЕЙКУ):

— Отчет скорее приготовь!
Молнируй важные детали;
«Военные объекты вновь
От крупных бомб не пострадали»...

СФИНКС:

— Сводки военные плохи...
Цифры везде хороши...
Эту загадку эпохи,
Мудрый Эдип, разреши!

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА (ФИЛИППУ II О ФРАНКО):

— Способный ученик! Он так страну растряс,
Что, право, мог бы стать учителем для нас...

КАУТСКИЙ:

— Я клеветал..
но все ж не так,
Меня затмил
Ситрин почтенный!
В сравненьи
с этакой изменой
Мое предательство—пустяк.

Ефим Дорош

ПО ТАНКОВОМУ СЛЕДУ

Мимо дома, в котором я живу, каждый день проносятся танки. Утром они бегут на танкодром, где их испытывают, а вечером возвращаются обратно. Короткие, приземистые, они мчатся по булыжной мостовой, чуть подпрыгивая. Стальные звенья гусениц бьют о камень, неистово ревут моторы, улица наполняется немолчным грохотом, в котором тонут все остальные звуки, будничные и мирные.

До недавнего времени вид этих грозных машин вызывал в моем воображении картины разорения и смерти. Передо мной вставала темная и выпуклая земля, отделенная от багрового неба резкой чертой горизонта. Я видел взрыхленные снарядами поля, на которых отпечатался след стальной гусеницы. Я представлял себе кленовые и липовые рощи, повергнутые в прах: зеленые кроны деревьев еще трепетали; из надломленных стволов, повисших на сырой и пахучей коре, сочился сок; среди ослепительно белых и чистых пней лежали трупы врагов.

Это была правда, но не вся...

Нынешней осенью случай привел меня в буковинское село Мамаевцы. Стоял серый, насыщенный влагой день. После дождя все краски были удивительно чистые и яркие. Над синим Карпатским хребтом дымилось низкое небо. Поля покрыты были бронзовой щетиной стерни. На свежей зелени лугов краснели упавшие листья, упавшие с одиноких буков.

Я шагал по мокрому песку дороги, мимо голубых и белых мазанок, у которых под толстыми соломенными крышами висели оранжевые пучки кукурузы. В мутной, глинистой воде придорожных канав полоскались белые утки. Вся дорога испещрена была мелкой елочкой утиных следов, перечеркнутых широким следом крупного танка. Видимо, танк прошел здесь недавно: еще слышен был гул мотора, приглушенный расстоянием. Это была советская машина, чей след уверенно лег на землю, еще вчера бывшую капиталистической.

Некоторое время я шел по следу, а потом свернул в сырой проулок, вдоль которого стояли черные с прозеленью ветлы, еще сохранившие свою дымчатую листву.

Маленький мальчик в длинных и узких белых штанах, забрызганных грязью, в коричневом кожушке и тяжелой бараньей шапке. указал мне хату Анны Деделюк.

Хата была полна женщин. Они сидели на лавке вдоль голой, давно уже небеленой стены, на широкой и низкой сосновой кровати, на земляном полу. Молодые и старые, они показались мне удивительно похожими друг на друга. У всех были темные, как бы закопченные лица, все были одеты в домотканные, землистого цвета юбки и залоснившиеся от времени неуклюжие кожухи, сшитые из грубо выделанных овчин. У иной щеголихи по борту кожуха был пущен узенький, выцветший узор, у другой из-за косматой овчины выглядывала расшитая красными и черными нитками сорочка, но все это почти не нарушало общего тона — приглушенного и тусклого, благодаря которому еще ярче казалось новое платье Анны Деделюк.

Она сидела у окна и лущила кукурузу. Серебристый свет полдня освещал [illegible]ьную фигуру, затянутую в [illegible]кую красную ткань,— тяжелые, цвета спелой пшеницы волосы, схваченные несколькими шпильками и вот-вот готовые развалиться, румяное лицо, едва тронутое золотистым загаром, обнаженные руки и длинные, проворные пальцы, из-под которых так и сыпались янтарные ядрышки. Когда она поворачивалась к подругам, лицо ее, освещенное сзади, темнело, приобретало густой бархатистый цвет персика, а глаза светились еще ярче. Она рассказывала певучим голосом:

— В городе Сухуми сели мы на пароход и аж морем до города Одессы, где была нам пересадка на поезд... и привез нас тот поезд аж у самый Киев...

Подруги смотрели на Анну круглыми от удивления глазами. По всему видно было, что они до сих пор не могут понять, как это Анна Деделюк, такая же, как и они, баба, еще год назад ходившая в пестрядинной рубахе и раскисших от грязи сыромятных постолах, как это она вдруг превратилась в эту, сидящую перед ними молодую и нарядную городскую женщину. Те из них, которые были постарше, помнили, что еще до войны, при австрийцах, многие девушки нанимались в прислуги во Львов, Вену и даже в Мариенбад на кислые воды. И ничего. Какими уходили, такими и возвращались. Разве, что какая не убережет себя... И при румынах отправлялись люди на заработки, кто во Францию, кто в Аргентину. Случалось, и зарабатывали неплохо. Но Анна!.. Нет, такого превращения еще никогда не было! И не в платье тут дело, хотя платье отличное, и не в том, что от сытой жизни Анна как будто красивее стала... Тут другое. Как в сказке: вошла в живую воду старухой, а вышла красной девицей. Или и впрямь такая уж чудесная страна Россия?

Все новые и новые женщины входили в хату, здоровались, всплескивали руками, ахали, охали, спрашивали, когда приехала и где была, и что видела, и как это не побоялась бежать из дому. Анна улыбалась счастливой, чуть смущенной улыбкой, пыталась что-то ответить, но слова ее тонули в сорочьем гомоне женщин, и она растерянно замолчала.

Тогда вмешалась Домна Човнык, высокая, энергичная, мужеподобная баба, родная тетка мужа Анны Деделюк. Она сказала, что всем известно, как бедовали при румынах Анна и ее муж Олекса, как мучались они на одной четвертой гектара земли, сажали перец, капусту, лук, а потом относили те овощи в город. Пешком шли, потому что лошади у них не было и коровы тоже не было, а были только здоровые руки да ясные головы. И сколько ни работали они теми руками, сколько ни думали теми головами, а достатка себе не могли ни заработать, ни выдумать. Правду говорят старики: «Поле-поле робыт»,— а у Анны с Олексой такое поле было, что с конца в конец переплюнешь.

— Тут узнаёт Олекса, что Красная Армия заняла Львов, а потом Станислав, а потом Коломыю... мама ро́дная,— старуха перешла на свистящий шопот,—от Коломыи до Снятина, до границы, рукой достать... и от Мамаевцев до границы тоже близко.

Женщины слушали внимательно, хотя все, что рассказывала Домна, они отлично знали. Должно быть, им было приятно еще раз вспомнить те тревожные и волнующие дни, когда далекий и желанный Советский Союз, в сторону которого всегда были обращены их взоры, вдруг придвинулся к ним, когда как-то смешно и вместе с тем радостно было сознавать, что до «России» почти так же близко, как до Черновиц, куда они по четвергам и воскресеньям ходили на базар.

Темные лица женщин покрылись румянцем, у одной выбилась прядь из-под платка, у другой платок развязался и сам собою упал на плечи, но все сидели недвижимо, освещенные серебристым светом полдня, который двумя ручейками лился сквозь пузырчатые стекла окон.

— Гляжу я на своего Олексу,— сказала замолчавшая было Анна,— а он хмара-хмарой ходит, ночью не спит — все шепчет: «Уйду... як гиршу беду найду,— вернусь, а як гиршу беду не найду, так и не вернусь...»

— Гляжу я на своего Олексу,— снова решительно вмешалась Домна, которая почувствовала, что внимание слушателей ускользает от нее,—гляжу я на своего Олексу, а он во все очи в сторону России глядит и все по шляху бродит, все панов польских, что бегут в Черновицы, выспрашивает: «Чи близко Красная Армия?» «Якая такая Красная Армия?»— отвечают паны: «Мы ее и не бачили, мы сейчас во Францию отступаем, потом обратно пойдем наступать, тогда и побачим».

— Ой, тетя,— ласково заметила Анна,— так то ж все знают, и не в том интерес,— и она рассказала собравшимся, как однажды в пятницу муж заявил, что идет на станцию в Лужаны узнать, не нужна ли буфетчику свинина... Ушел и не вернулся. А несколько дней спустя кум сообщил Анне, что муж ее бежал в Советский Союз, а ей не говорил про свои намерения, потому что боялся, как бы она не стала отговаривать.

Потом к Анне Деделюк стали приходить жандармы, спрашивали про Олексу, ругали, называли большевичкой, грозили посадить в тюрьму. Анна решила последовать примеру Олексы. Она сговорилась с подругой, у которой муж тоже бежал в СССР, и однажды темной осенней ночью две робкие женщины сели в поезд, шедший к границе.

Анна остановилась, перевела дыхание, некоторое время смотрела на собравшихся невидящими глазами, а потом, торопясь, проглатывая слова, стала рассказывать о другой ночи, когда проводник привел женщин к

С. Васильев

Новогодние пожелания

Земля накануне нового года!
Час откровенья и час признанья.
Пускай же летят по земным дорогам
Мои новогодние пожеланья.
Их много желаний, больших и малых,—
их столько же, сколько друзей на свете.
Всего не скажешь, но я хотел бы
хотя бы высказать вслух вот эти:
Если, мой друг, ты стоишь на границе,
с холодных сопок не сводишь очи, —
Желаю тебе я не много, не мало:
ясного полдня и лунной ночи.
Несет ли тебя на широких крыльях
за облаками стальная птица,—
Пускай в ликованье всего народа
дерзанье летчика воплотится.
Где бы ты ни был, мой друг далекий,
в Калькутте или в горах Китая,—
Пусть твердая вера в приход свободы
тобой владеет, не покидая.
Я знаю: тебя стерегут невзгоды,
свинец и плеть над тобой нависли,—
Пускай же приходит тебе на помощь
бодрость духа и ясность мысли.
Какие б замыслы ни возникли,
но, если они широки — тем паче!—
Пускай они сбудутся непременно,
пускай исполнятся — не иначе.
Если влюблен ты и вспоминаешь
часы последнего расставанья,—
Пускай тебе выпадет радость встречи,
час неожиданного свиданья.
Если ребенка ты ждешь и ходишь,
томим предчувствием неизвестным,—
Пускай он родится легко, как песня,
и станет храбрым и будет честным.
Мои желанья — мечты народа,
закон идущего к счастью века.
В моем краю он начертан смело
рукой великого человека.
Да будут вечно стоять под солнцем
Кремлевских башен крутые стены,
Да будут сталинский ум и воля
на всех наречьях благословенны!

Весело! В зале сельского кино (колхоз имени Сталина, Генический район, Запорожская область). Демонстрируется новая комедия.

Фото М. Озерского

маленькой речке, отделявшей Румынию от бывшей Польши.

Было очень темно. Редкий, но упорный дождь сёк землю. Проводник ушел. Оборвалась последняя связь с родной землей, с той землей, где им так плохо жилось, с той землей, которую они любили больше всего на свете, с той землей, которую они не надеялись уже увидеть.

Женщины поклонились родной земле, перешли речку, не оборачиваясь, зашагали вперед. Они шли всю ночь. Опавшая листва шуршала под ногами, тяжелые капли дождя падали на разгоряченные лица, на сухие, потрескавшиеся губы. Трудно было привыкнуть к мысли, что листва эта советская, и дождь советский, и даже воздух, насыщенный запахами мокрой травы, грибов, гниющих листьев, тоже советский. Как странно устроен мир: по одну сторону узенькой речки живет беда, а по другую — счастье. На такой же точно земле, под таким же небом!..

Когда наступил седой рассвет, одетый в клочья тумана, пронизанный каплями дождя, женщины очутились в лесу, на берегу речки. «Румыния!» Это слово обожгло сознание подруг. Они заблудились и пришли обратно! Проводник говорил, что впереди будет ровное место, а здесь — лес. В какую сторону идти или, может, спрятаться и ждать ночи?..

В молодом дубняке послышались чьи-то голоса, затрещал хворост под тяжелыми сапогами, в просветах между редкими листьями замелькали люди в солдатских шинелях.

Свои, советские или румыны?

Два солдата вышли из дубняка. Они были рослые, широкоплечие, опоясанные тугими ремнями. Их румяные лица, мокрые от дождя, казались отлакированными. На зеленых фуражках краснели звезды.

— Здравствуйте, тетеньки,— сказал один из солдат.

— Доброго здоровья, дяденьки,— дружно ответили подруги.

Потом пошли дни, похожие на сказку. Застава, где подруги обсушились, обогрелись, впервые в жизни встретили нормальные человеческие отношения, основанные на взаимном уважении. Чаесовхоз под Сухуми, куда всех перебежчиц — а их было немало—завербовал вербовщик и где они впервые в жизни узнали, что труд— приятное и почетное занятие...

Раскрасневшаяся, то и дело поправляя рассыпающиеся волосы, Анна Деделюк отвечала на вопросы обступивших ее женщин. Как работала, чем кормили, сколько зарабатывала, где жила и чему училась. В ее речи все время встречались новые слова и понятия, еще не известные мамаевским женщинам, и она искренно удивлялась их отсталости. Она развязала свои чемоданы, стала показывать привезенные обновы: платья, кофточки, платки, туфли — красивые и яркие вещи, от которых в убогой хате стало как бы светлее. Домна Човнык, обиженно глядевшая из своего угла, не выдержала, посмотрела пренебрежительно на племянницу, вскинула брови, сказала, поджав бледные губы:

— И от такого добра ты уехала?..

— Так тут теперь моя родина!..

В словах ее было столько торжества, а в глазах светилось такое несказанное счастье, что я почувствовал, как высокая волна гордости охватила все мое существо. Это чувство не покидает меня и сейчас, в светлый от снега день, когда я пишу эти строки. Грохот бегущих мимо моего дома танков наполнил комнату. Мне не дано быть водителем одной из этих грозных машин, освобождающих народы. Что ж, я пойду по танковому следу и буду записывать правдивые истории о простом человеческом счастье, пом[illegible] рассказанной выше.

Москва, улица Горького.

Вселение идет полным ходом. Грузовики, набитые мебелью, чемоданами, связками книг, становятся в очередь перед подъездами. Лифт поднимает зеркала и этажерки. На площадках лестниц, еще закапанных кое-где известью, валяются куски рогожи. Двери квартир распахнуты, и в светлых пустых комнатах гулко раздаются голоса приехавших.

...Просторные, двух и трехкомнатные квартиры рассчитаны на одну семью. Горячая вода, ванна, газ — эти удобства, знакомые уже сотням тысяч людей, населяющих новые дома, есть, конечно, и в корпусе «В».

В нише приятно проводить часы досуга. На снимке: ректор Московского государственного университета тов. А. Бутягин с женой.

В конторе домоуправления корпуса «В» мы просматривали домовую книгу. Вот несколько выписок из графы о занятиях:

«Ведущий конструктор...

Бригадир...

Военнослужащий, Герой Советского Союза...

Заслуженная артистка республики...

Слесарь...

Прежде всего — разобрать ноты... За этим занятием застали мы в новой квартире заслуженного артиста республики С. Лемешева.

Вселение идет полным ходом...

«О, здесь чудесно!» — с этими словами вошла в свою новую квартиру заслуженная артистка республики В. Марецкая. Муж и дочка разделяют ее восхищение.

«Вот на этом месте портрет будет как раз!» — говорит дочке тов. Демин, работник МК ВКП(б).

об Арктике, о Великом Северном морском пути... Потом разговор касается войны, и мы вспоминаем снимки разбитых бомбами европейских городов, бездомных беженцев, женщин и детей, лишившихся крова, беспомощно мечущихся по дорогам... И хотя собеседники не делают сопоставлений, каждый понимает, о чем думает в эту минуту другой. И в памяти всплывают заключительные строки стихотворения В. Маяковского «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»:

«— Очень правильная
эта,
наша
советская власть».

Студент... Нет, здесь надо рассказать подробнее. Седовец Павел Власович Мегер, первый повар, получивший звание Героя Советского Союза, он теперь учится, и он тоже жилец корпуса «В».

Ночь на 1 января 1940 года Павел Мегер вместе со своими 14 товарищами встречал на обледеневшем дрейфующем судне. Капитан Бадигин от имени всех седовцев телеграфировал в Москву: «...Встречая в третий раз Новый год во льдах Арктики, мы надеемся скоро снова увидеть свою горячо любимую родину, снова увидеть самый лучший, самый счастливый город в мире — Москву».

И это сбылось.

Мы стоим с Павлом Мегером у широкого окна его новой квартиры. Внизу сияет огнями улица Горького. На противоположной стороне, на фоне вечернего дымного неба, рисуется профиль башенного крана. Там строятся новые корпуса, возникают новые «буквы» той чудесной «азбуки» реконструкции, которую изучает многомиллионный город. Мы говорим с Мегером о его друзьях-седовцах, о перспективах учебы и деятельности,

...й пригласили гостей на новоселье. Тряхнув ... приготовил обильное угощение.

Бела Иллеш

Рисунок худ. Ю. Цишевского

Финн из Верецке

РАССКАЗ

Только из деликатности называю я Юха Кескитало финном из Верецке. Жители деревни Верецке называли его «помешанным финном». С течением времени он настолько свыкся с этим прозвищем, что сам стал называть себя так.

— Предоставьте это помешанному финну! — обычно говорил он, если нужно было сделать что-либо, превышающее технические познания жителей Верецке. Для «помешанного финна» неразрешимых задач не было.

У себя дома, в Финляндии, Кескитало был рабочим бумажной фабрики. Когда же осенью 1915 года, оборванный и голодный, он прибыл в Верецке, его спросили:

— Не кузнец ли вы, случайно?

Сначала он отвечал уклончиво. Но, когда понял, что в деревне кузница как раз свободна, потому что кузнец Андрей Яворин погиб за императора в Сербии, а его сын и наследник Иван — на итальянском фронте, на берегу Изонцо, Кескитало заявил, что он кузнец и что всю жизнь только и был кузнецом.

Он наелся кукурузной каши и овсяного хлеба. Основательно вымылся в ручье, надел на себя парадную одежду покойного Ивана Яворина (которая для такого высокого, худощавого парня была, правда, чуть-чуть короткой, но зато очень свободной) и поселился в яворинском доме. А спустя несколько дней он уже действительно умел делать то, за что взялся. Было приятно смотреть, как умело подковывал он лошадей или починял разбитые телеги.

Свои познания в кузнечном деле он приобрел не каким-нибудь чудом, а благодаря тому, что Иван Яворин оставил после себя не только двух сирот, но и молодую вдову, которая и сама происходила из семьи кузнецов: она была «самой маленькой» дочерью кузнеца из деревни Волоц. Эта «самая маленькая» дочь была такого же огромного роста, как и попавший в Верецке финн. Она была немногословная, работящая женщина, не находившая выражений, чтобы отблагодарить русинского бога за то, что он послал ей такого хорошего нового отца для ее двух сирот. В первые дни кузнецом была, собственно говоря, Яворина, а Кескитало — лишь ее учеником. Но к тому времени, когда Яворина понесла крестить первого рожденного в Верецке финна, попавший из Финляндии на Карпаты великан был уже не только превосходным кузнецом, но и слесарем, монтером и электротехником. Он был настоящим кладом для этого края, откуда император Австрии и король Венгрии Франц-Иосиф призвал на военную службу всех здоровых мужчин.

★

Как попал Кескитало из Финляндии, с берегов одного из бесчисленных голубых озер, в лежащую среди темнозеленых карпатских сосен деревню Верецке? Очень странным, то есть самым что ни на есть естественным путем.

Он был родом из Выборга. С 1912 года жил поблизости от Петербурга. В 1914 году при всеобщей мобилизации его призвали. Кескитало протестовал, ссылаясь на то, что он как финн воинской повинности не подлежит. Однако, пока прибыли необходимые документы, прошло так много вре[...] ни, что он был уже на [...] фронту. На основ[...] ментов был [...] демобилизац[...] каз бы[...] неный Кескитало находился уже в австрийском плену. Пролежал пять недель в одном из краковских госпиталей и был выписан оттуда не потому, что не нуждался больше в лечении, а потому, что койка его понадобилась для австрийского раненого. Из госпиталя он попал в построенный для военнопленных на скорую руку, грязный, битком набитый людьми лагерь. Здесь его никто не лечил, и он выздоровел. Едва он успел встать на ноги, как его спросили, не хочет ли он работать. Он не захотел. Тогда его лишили питания. А так как есть он хотел, то вынужден был пойти работать — фабриковать шрапнель.

Задача шрапнели — убивать людей. Первыми жертвами ее являются те рабочие, которые изготовляют ее. Пленные, производящие шрапнель, падали вокруг Кескитало как солдаты, идущие в атаку. Их сваливали в братские могилы.

Кескитало избег такой судьбы только благодаря тому, что вместе с двумя своими товарищами — русским из Сибири и татарином из Крыма — бежал из окруженного колючей проволокой и охраняемого бородатыми венгерскими дружинниками лагеря. От венгерских солдат еще в лагере беглецы слышали, будто в Венгрии много хлеба, и направились туда.

Из лагеря они бежали ночью. Утром, во время отдыха в глубине леса, у сибиряка началась рвота. Он принес с собой из лагеря холеру. Его товарищи ухаживали за ним [...] пат, которые означали для них венгерскую границу.

Когда они приближались уже к вершинам гор, туда, где дубы вытесняются можжевельником, показался жандармский патруль. Жандармы находились так близко от них, что о бегстве нечего было и помышлять. Повинуясь какому-то врожденному инстинкту, Кескитало съежился в комок и покатился вниз по кустистому склону горы. Колючие кусты разрывали одежду, царапали кожу. Но кости его остались целы, и от жандармов он спасся. Внизу было солдатское кладбище. Здесь он передохнул. Когда же более или менее пришел в себя, то вспомнил татарина, который, наверное, попался в руки жандармов.

Недолго колебался Кескитало и отправился снова наверх, на гору, чтобы выручить товарища. Что он сделает один, безоружный, против трех вооруженных с ног до головы жандармов, об этом он вовсе не думал. Он ломал себе голову только над тем, как бы ему найти этих чортовых кукол с петушиными перьями. Но жандармов нигде не было.

Под вечер он стоял на хребте горы и смотрел вниз, на ее южный склон. У его ног лежала деревня — множество хижин с соломенными и деревянными крышами. Посреди деревни находилась церковь с красной крышей, а над куполом был не крест, а медный петух. С колокольни све[...] красно-бело-зеленое

В СОВЕТСКОМ ТАЛЛИНЕ

Фото и текст Николая Вирты

Таллин — древний город. Он до сих пор сохранил облик старины.

Справа, вверху,— вид с приморского бульвара на улицу Пикк. Готика, остроконечные, черепичные крыши домов, башенки, путаница узких улиц и переулков.

Внизу, слева,— башня и стена, заросшая плющом,— остатки крепости. Крепость Вышгород командует над городом и заливом, оттуда открывается чудесный вид на огромнейшую округу. Таллин весь как на ладони. В Вышгороде интересна немецкая церковь, где погребены многие адмиралы русского флота. Полуистлевшие андреевские флаги свешиваются со стен, покрытых рыцарскими гербами.

Сейчас в Вышгороде правительственные учреждения Эстонской Советской Социалистической Республики.

Рядом с седой крепостью европейские улицы, дома в стиле «модерн», большие, залитые асфальтом площади. На снимке (в центре) снята центральная улица в Таллине.

На улицах и площадях Таллина образцовая чистота. Здесь не принято курить на улице. Поэтому вы не увидите ни окурков, ни мусора. Город производит впечатление чисто вымытой кафельной стены.

Сбоку от площади бульвар, голуби. Голубей очень много, они совсем ручные. Вот школьница возвращается с уроков, присела отдохнуть, и к ней слетелись голуби. Она кормит их из рук. Пройдет несколько минут, и около девочки соберется большая стая голубей.

ФИНН ИЗ ВЕРЕЦКЕ

(Окончание)

Жителям Верецке был очень нужен кузнец. Но это не спасло бы Кескитало от того, чтобы жандармы избили его до полусмерти и повезли обратно делать шрапнель, если бы, на его счастье, Верецке не находилось в сфере интересов графа Шенборна. Жители Верецке и теперь, добрых полвека после уничтожения крепостного права, все еще были вроде крепостных графа Шенборна. Управляющий графским имением Сабольч Кавашши очень обрадовался прибытию хорошего иностранного мастера. Кавашши был человеком образованным и знал, что финны — родственники венгров. Это он объяснил также жандармскому фельдфебелю Шюмеги, и для того, чтобы фельдфебель еще лучше понял, в чем заключается его долг по отношению к «преследуемому сыну родственного народа», Сабольч Кавашши послал ему двадцать литров вина. В возмещение этого Яворина сделала для Кавашши бесплатно работу стоимостью литров в двести, и Кескитало остался в Верецке. Вначале верецкинцы называли его «беднягой-финном», вскоре он стал для них «нашим финном», а когда выпал первый снег, получил прозвище «финн-чудак».

Снег делает дороги непроходимыми. Деревенские жители выходят из своих хижин, отапливаемых крадеными в графском лесу дровами или сушеным коровьим пометом, только в случаях крайней необходимости, например когда кончаются дрова и нужно красть новые.

Кузнец-финн был из другого теста. Он вырезал себе из дуба две длинные узкие планки с загнутыми кверху концами, прикрепил их ремнями к ногам и стал показывать на склоне горы такие фокусы, каких жители Верецке до этого даже во сне не видели. Он взобрался на самую высокую вершину и с самой кручи скользнул вниз, даже не скользнул, а прямо-таки полетел в долину. Но это еще ничего. В самые ужасные морозы он ходил без шапки и, как его ни упрашивала Яворина, никак не соглашался прикрыть шапкой свои густые русые волосы.

Летом 1918 года Кескитало превратился из «чудака-финна» в «помешанного финна». Весной казалось, будто он заслужит прозвище «мудрого финна», но летом...

Весной Кескитало позвал к себе начальник уезда. Он пожал ему руку, предложил сесть и закурить. Потом спросил, не хочет ли он поехать домой, в Финляндию. Кескитало утвердительно кивнул головой.

Начальник объяснил Кескитало, что в Финляндии теперь господствуют «красные бандиты», которых необходимо прогнать. В этом патриотическом деле должен принять участие каждый честный финн. И если Кескитало согласен, то он может получить железнодорожный билет, деньги на дорогу и жалованье солдата за два месяца вперед. Но «финн-чудак» не захотел принять участия «в этом патриотическом деле». Напрасно упрашивал его начальник уезда, напрасно грозил ему. Кескитало был непреклонен. Тогда начальник уезда приказал посадить непатриотического финна под арест. Три дня сидел Кескитало без еды и питья в погребе конторы начальника. И, наверное, погиб бы там, если бы Сабольчу Кавашши в это время не понадобился электромонтер. Кавашши своими собственными методами удалось убедить начальника уезда, что если кузнец-финн умрет с голоду, то финская белая гвардия от этого ничуть не станет сильнее.

Итак, «финн-чудак» был освобожден, и о нем заговорили как о мудром человеке. Но слава «финна-мудреца» была очень недолговечной. Спустя полмесяца он бежал из деревни. Через три недели жандармы привезли его обратно, предварительно избив до полусмерти. Поймали его около Львова и так основательно обработали, что он пролежал в постели около полутора месяца и когда опять встал, то все еще хромал.

— Так ему и надо, помешанному, — говорили некоторые из верецкинцев. — Когда начальник обещал ему уплатить за проезд и положил хорошее жалованье, он не захотел воевать. А теперь он сам пешком хотел добраться туда, где воюют. Ну и сумасшедший!

— Начальник хотел отправить его к белым, а он хотел воевать в Красной Гвардии, за народ, — возражала Яворина, которая опять была беременна.

★

Я познакомился с «помешанным финном» летом 1920 года. Тогда верецкинцы уже на себе испытали, какая разница между красным и белым цветом. В доме кузнеца собирались как раз те, кто хотел создать Красную Гвардию, чтобы ударить в спину воюющих против страны Ленина белополяков.

«Помешанный финн» был огромного роста. Народ Карпат тоже рослый, но Кескитало был выше самого крупного верецкинца. И никто из них не был так худ и гибок, как он. Его бритое лицо было, как у девушки: белое, как молоко, и розовое, как роза. Когда он смеялся, у него блестели зубы, а смеяться «помешанный финн» любил. Его большие, широко расставленные глаза были то голубыми, то серыми. Говорил он тихо, вдумчиво. Когда умолкал, ударял по воздуху правым кулаком — это означало у него точку после фразы.

В этот вечер он говорил по-венгерски, вставляя, по обычаю жителей Верецке, в венгерскую речь то украинские, то еврейские слова. Кузнец рассказывал собравшимся в его доме венгерским, русинским и еврейским батракам и лесным рабочим сказку. С героями его сказки из всех его слушателей был знаком до некоторой степени один только я, так как мне приходилось когда-то просматривать великий эпос финнов — «Калевалу». Сказка понравилась всем слушателям, но больше всего мне. Тогда я узнал, что «Калевала» имеет совсем другой смысл, чем тот, о котором говорят в венгерских школах. Герои финна боролись против злых богов, ангелов тьмы и против тех, кто служит злым богам. Легендарные северные герои Кескитало были бунтовщиками, революционерами. И поэтому сказка продолжалась без перерыва и тогда, когда кузнец говорил уже не о том, как взбунтовались некогда против своих угнетателей народы севера, а о том, как должны начать борьбу против своих притеснителей народы Карпат.

★

За двадцать лет человек забывает многое и многих. Когда в конце марта 1940 года я получил в Москве открытку с фотографией, мне пришлось долго думать, кто это Кескитало, вернее, кто такие Кескитало, посылающие мне привет из нового советского города. На открытке значилась подпись не одного Кескитало, а целых пяти. Из пяти имен одно было финское, два украинских и два венгерских: Юха, Микола, Иван, Золтан и Бела.

Может быть, это покажется странным, но в действительности дело было так. Воспоминание о финне из Верецке ожило во мне не при взгляде на его подпись, а когда я посмотрел на оборотную сторону открытки. На ней был изображен красноармеец, спокойно стоящий с винтовкой у ноги. В один миг почувствовал я запах карпатских лесов, который так же пьянит, как соленый воздух Выборгского залива.

«Обещаем перестроить по-стахановски город Выборг. Советский Выборг будет во сто раз красивее, богаче и счастливее чем прежний».

Таков был текст приветствия, написанный на открытке по-украински, с венгерским уклоном.

Долго размышлял я о том, когда и как попали пять Кескитало в Выборг. Из всевозможных предположений я не знаю, какое правильное. Но ни минуты не сомневаюсь в том, что обещанию Кескитало и его четырех сынов верить можно.

Если будет когда-нибудь написана вторая часть этого рассказа под названием «Как выполнил свое обещание финн из Верецке», то это будет не новеллой, а героическим эпосом свободного, всепобеждающего труда.

Перевод М. ЗЕЛЬДОВИЧ и А. ШИЙК

А. Гиневский

Душа скрипки

Представьте себе маленький городок Гохштадт, крошечную мастерскую, где скрипки висят на проволоке, протянутой через всю комнату. Там сумрачно. Солнце редко заглядывает в дом. Отцовская скрипка висит на стене, между гитарой и виолончелью, как самый дорогой предмет. Над ней опахалом свисает мандолина с надломленным грифом. В этой мастерской свободно разгуливал мальчик, едва касаясь головой смычков дек. Это был Евгений Витачек. Его отец любит скрипичное дело, но прочит сыну другое. Он хочет, чтобы Евгений стал ученым.

Дом пустеет: умирает отец—и юношу передают на попечение дяде. Перенесемся в Киев, в другую мастерскую, к мастеру скрипок Шпидлену. Для этого надо представить себе улицу ремесленников — Большую Васильковскую. Там висела вывеска, на которой были нарисованы две скрипки накрест и чернела надпись:

СКРИПИЧНЫЙ МАСТЕР
ШПИДЛЕН

Сюда приходят гимназисты, студенты, известные в городе музыканты, они приносят с собою инструмент, о котором много и долго говорят в доме. Евгений рассматривает скрипки в присутствии дяди, как ученик, а когда дядя уходит,— как хозяин. В эти минуты он преображается, подражает знатокам, ловко постукивает ногтем по деке, прислушивается к звуку. Ибо в звуке все. В эти минуты он устанавливает для себя, что скрипка — самое дорогое на свете. Он будет мастером. Но в Киеве это еще мечты. А в Москве, куда он приехал девятнадцатилетним, где он чинит гитары, а вечером играет на вечеринках,— это уже действительность. Жизнь горькая, неудачи и обиды. Много раз он касается инструментов старинных итальянских мастеров — с благоговением или с завистью — и всегда думает о настоящем Страдиварнусе, о великом мастере из Кремоны.

Италия! Он только и думал об этой стране, родившей великих скрипичных мастеров. Учиться у них! Вы представляете себе, сколько трудов довелось приложить, чтобы попасть во Флоренцию, в знаменитую консерваторию, прославленную на весь свет скрипками и знаменитым квартетом, который был заказан кремонцу самим Фердинандо Медичи.

Он приходил по нескольку раз в неделю в консерваторию. Он рассматривал скрипки. Странное дело: со времен Медичи инструменты эти безмолвны. Он так и назвал их — «молчаливые скрипки». Никто не слушал их игру. Его поражала их сложная простота.

Трудно сказать, что сильнее волновало Витачека: чудесный звук или стройный корпус? Сделанная из исключительно подобранного, нарядного дерева. скрипка была покрыта чудесным красным лаком по золотому грунту. У нее была узкая талия и мастерски выточенный завиток. Это—произведение большого и благородного искусства. Ничего бьющего на внешний эффект. Слушая ее, чувствуешь, что звуку как бы тесно: до такой степени он наполнен энергией. Во времена Страдивари его скрипка, наверное, казалась инструментом будущего: вряд ли современники оценили ее по достоинству. Скрипичное мастерство — великое искусство. И Витачек подолгу простаивал перед произведениями художников, напоминавшими работы их великих соотечественников: Микельанджело, Леонардо да Винчи, Тициана. Тончайшие мастера Италии: Амати, Страдивари, Гварнери — олицетворяли целую эпоху Возрождения, всю историю скрипичной культуры. Он уходил из консерватории вдохновенный, в тревоге. «Вдохновение художника,— бормотал он,— необходимо тому, кто хочет сделать настоящую скрипку. У нее тонкая душа; надо глубоко перечувствовать эти удивительные произведения из клена и ели, чтобы разгадать секрет кремонского мастера».

Мы совершаем беглую прогулку по истории. В XVI веке на юге Франции впервые появилась скрипка; на ней играли бродячие музыканты; сладкие мелодии гасконцев чаще всего звучали в карнавальные дни. Звук первых скрипок мало отличался от звука виол: тот же глухой и слащаво-нежный тон, по вкусу аристократам. Скрипка гостила в маленьких салонах. Певунья, звучащая сильно и ярко, тогдашней аудитории могла и не понравиться. Красивый тембр звука всегда предпочитался его силе.

Впервые славный итальянец Амати создал инструмент сильного тембра. Он родил на свет вид скрипки, не изменившийся до нашего времени. Но это еще не вершина. Ее достиг один Антонио Страдивари. Правда, не все его творения равноценны. И у него были неудачи. Когда он пытался удлинить форму скрипки, звук получился неясный, туманный. И у Гварнери, который строил скрипку сильного, «дальнобойного тона», похожую по звуку на голос меццо-сопрано, вышла неудача. Его модель не нашла распространения.

Но лучшие скрипки Страдивари непревзойденного стиля. Тембр их звучания — чудесный клад. Богатство их звуковых оттенков и окраска тембра непередаваемы: здесь и героический оттенок, и нежно лирический, и драматический. Недаром по силе и мощи его гения кремонца сравнивают с величайшим скульптором и живописцем Италии Микельанджело Буонаротти.

Италия оставляет в душе Витачека глубочайший след. Воодушевленный изумительными творениями, он приез-

Е. Ф. Витачек за реставрацией скрипки Страдивариуса. В заголовке: первая скрипка работы старинного итальянского мастера Петра Гварнери, сделанная в Венеции в 1745 году.

Фото Е. Микулиной

жает в Россию, чтобы заняться любимым делом: создавать скрипки, верные итальянской школе, не уступающие по звуку работам старинных мастеров. 1913 год. Происходит конкурс русских скрипичных мастеров. Победитель — профессор Чернов. Витачек следит за ходом состязания, но не входит в игру: он накапливает силы, чтобы на втором конкурсе завоевать первенство. И действительно, он побеждает. Он становится лауреатом. Лучшие скрипачи мира: Изаи, Крейслер, Кубелик — высоко ценят его творения. Изаи заказывает Витачеку скрипку. Война мешает выполнить этот заказ. Витачек в армии. Его направляют на протезный завод изготовлять искусственные ноги для инвалидов. Но и там он все носится со скрипками. На полевой карте чертит карандашом наброски, вычисляет части скрипичной модели.

И только революция возвращает его к скрипкам. Революция окрылила всех русских мастеров. Народ заполняет концертные и театральные залы; организована государственная коллекция старинных смычковых инструментов. Ученым хранителем, экспертом и реставратором коллекции стал сам Витачек.

Какие драгоценности доверены ему! Какое счастье, что они не лежат неприкосновенными, как в других странах! Редчайшие экземпляры розданы выдающимся артистам-исполнителям. В 1937 году в Брюсселе на международном конкурсе скрипачей бельгийская королева спросила нашего Ойстраха:

— На какие средства вы приобрели свой страдивариус?

Ойстрах ответил:

— Мне доверила его моя родина. Об этой коллекции можно написать поэму. Здесь есть предпоследняя скрипка Страдивари — предсмертное творение, датированное 1736 годом.

— Изучая ее,— слышим вдохновенный рассказ Витачека,— поражаешься живучести таланта великого художника, умершего девяносто двух лет. Уже чувствуется, что его ослабевшее зрение и руки, потерявшие уверенность, отразились на оформлении. Скрипка несколько тяжеловата и груба. Но какой у нее звук! Он удивительно нежен и в то же время монументален. Голос этой скрипки можно сравнить с голосом мудреца, не утратившего юности чувств. Этот инструмент куплен в прошлом веке в Италии князем Юсуповым. Очень долго после революции, когда юсуповский дворец на Мойке, в тогдашнем Петрограде, был преобразован в музей, скрипку не могли найти. Предполагали, что ее увез вместе с другими ценностями граф Сумароков-Эльстон, бежавший заграницу. Случайно скрипку обнаружили в подвале дворца. Она была замурована в стене. За все время пребывания ее в руках Юсуповых никто не слыхал ее звуков. Скрипка лежала в витрине. Благодаря этому она так отлично сохранилась. Старинная итальянская скрипка, как живой организм, может много работать, но ее нельзя переутомлять.

В этой коллекции есть также скрипка, сделанная первым русским мастером, крепостным графа Шереметьева,— Андреем Ивановичем Батовым. Это самородок. Его инструменты высоко ценились современниками. Если верить преданиям, за виолончель, сделанную для графа, Батов получил вольную. Этот мастер следовал стилю Гварнери. Но из его рук выходили только копии. Разгадать до конца секреты Гварнери Батову не довелось. Над этим бьются современные мастера. Тайны мастерства разгадываются постепенно, по частям. Вот лак... Старики-итальянцы употребляли сок пальмы, так называемую «драконову кровь». Лишь недавно удалось установить состав лака.

Или грунт... Толщина корпуса скрипки прямо зависит от физических свойств дерева. Лак иногда неблагоприятно влияет на деки. Необходима консервация дерева, загрунтовка. И вот недавно удалось определить грунт, который накладывали кремонские мастера на дерево, перед тем как покрыть его лаком. Этот состав проникает в поры дерева, превращает его в однородную массу. Советские ученые назвали его «прополис». Он найден, им пользуются Витачек и другие.

...Евгений Францевич Витачек — лидер, ведущий мастер советского скрипичного дела. Его инструменты пользуются мировым признанием. Учитель Яна Кубелика — Оттокар Шевчик — сравнивает их с инструментами Гварнери. Я приведу несколько строк из письма Шевчика: «Ваша скрипка сделана в стиле Гварнери. Она соответствует оригиналу как общим совершенством исполнения, так, в особенности, своим прекрасным звуком. Игра на таком инструменте является лучшей пропагандой вашего крупного таланта, благодаря которому вы могли создать такой инструмент».

На последнем всесоюзном конкурсе смычковых инструментов, сделанных из советских материалов, первые места получили ученики Витачека. Конкурс провели в очень интересных условиях. Играли за закрытым занавесом. На советских и старинных итальянских инструментах. Победили советские мастера. Было установлено, что их скрипки достойны старинных творений Страдивари, Гварнери и Карло Бергонци.

В нынешнем году Витачеку исполнилось шестьдесят лет. Пришло сорокалетие работы скрипичного мастера. Оно отмечено большой вехой: за это время он сделал 400 инструментов, главным образом скрипок. Юбилей мастер собирается отметить так: он заканчивает виолончель и две скрипки для специального квартета, который выступит в Московской филармонии. Квартет этот будет состоять только из инструментов нашего мастера!

Витачек следит за здоровьем скрипок советских мастеров.

Вот и в нынешнюю осень, перед началом сезона в опере, Евгений Францевич осмотрел редкие инструменты симфонического оркестра Большого театра.

Мы видим на столе его скрипку, присланную из Сочи. На нее губительно повлияла жара субтропиков. Надо осмотреть, выслушать, вылечить. Затем — экспертиза. Со всех городов Советской страны съезжаются к нему музыканты и любители выслушать его мнение об инструменте, установить подлинность и подделку.

В 1932 году Витачеку присвоено звание заслуженного деятеля искусств. Советское правительство присудило ему пожизненную персональную пенсию. Велико уважение к нему музыкальных деятелей. Велики его творческие планы. Он думает о новом типе советской скрипки: для современных обширных аудиторий, для Дворца Советов. Ведь в залах, вмещающих от 5 до 20 тысяч слушателей, скрипка старинных итальянских мастеров вряд ли пригодна. Нужен иной, мощный голос, иные, динамические возможности. Вот и создать бы такую новую советскую певунью по принципам великих мастеров Италии, но в стиле нового, советского искусства!

Он не боится слова поражений, ошибок: он помнит слова Горация.

«Если недостает искусства, то боязнь ошибок ведет как раз к ошибкам».

Молодежный бал-карнавал в Доме культуры имени Максима Горького в Ленинграде.

Фото Р. Мазелева. Вторая выставка работ ленинградских фотомастеров

ВОДА...

Фотоочерк А. МУЗИС

Горячее солнце Киргизии сжигает зелень, сушит землю — без воды плодороднейшие долины превращаются в пустыню. Но человек подчинил себе воду.

Высоко в горах тают снеговые вершины. Сначала маленькими ручейками, потом бурными, стремительными потоками идет вода в долины...

→ Там ее встречает человек. Он преграждает воде путь, направляет ее. По каналам и арыкам, построенным колхозниками Киргизии, бежит притихшая, обузданная вода...

← ...Она орошает богатейшие рисовые поля...

...колхозные сады, где зреют янтарные плоды...

...виноградники... Она дает жизнь и плодородие прекрасной солнечной республике — Киргизии.

I

Два раза уже выходил мистер Доэрти из своей лавчонки на углу Телас-стрита. И каждый раз подозрительно смотрел на юношу, стоявшего у окна. Что он здесь стоит? Впрочем, на вид парнишка был неплохой. Через полчаса Доэрти вышел в третий раз. Юноша все еще был у окна. «Это неспроста»,— подумал он. Его любопытство все возрастало. Он подошел и спросил несколько резко:

— Кого-нибудь ждешь, паренек?

— Да. Девушку,— отвечал юноша, широко улыбаясь.

— А! Так, так — пробурчал старик, скрываясь в лавке.

Юноша оглядел улицу, еще раз пристально посмотрел на дом № 11 Телас-стрита. Он ждет уже около часа. В конце концов, это возмутительно. Он никак не мог пропустить ее. Он знал, что она не уходит с завода позже шести часов, а сейчас уже почти половина седьмого. Ну, хорошо, он подождет еще немного, и все будет в порядке. Но, может быть, она совсем не выходила на работу сегодня? Ах, чорт! Он начинал злиться. Он никогда бы не злился, если бы она приходила вовремя. Ведь она знает, что он ждет ее, что он непременно придет. Разве два дня тому назад он не сказал ей в парке, что любит ее? Искренна ли она или насмехается? Впрочем, не все ли равно — он любит ее. Но сейчас его душа была полна мрачного отчаяния. Все казалось безнадежным. Как он готовился к этому вечеру, даже заказал два билета в кино «Гомер», и вот он стоит целый час, как дурак, а ее нет и нет. Уже не в первый раз она так поступает с ним. Не ее ли сварливая тетка, о которой он столько наслушался за последнее время, всему виной? Катерина, кажется, ее побаивается. Нет, тетка Анна тут не при чем.

Он отошел от окна лавки Доэрти и зашагал взад и вперед по тротуару. Почти без четверти семь. Никаких признаков Катерины. Ему было горько до слез.

Засунув руки в карманы, он остановился, глядя вниз, на тротуар, заблестевший от первых капель дождя. Идеальный вечер для кино. Где же она, чорт побери?! Может быть, она всегда будет выкидывать с ним такие штуки? Вероятно, она не может иначе. А все-таки несмотря ни на что Катерина — прелесть!

Он прошелся еще немного и остановился у обувного магазина. Посмотрел на свое отражение в большом зеркале и улыбнулся. Он выглядит совсем неплохо. Он тихо засмеялся. С зеркала на него смотрел высокий юноша со свежим лицом. На нем были черные шерстяные брюки и двубортная тужурка. Он был без шляпы, и его огненно-рыжие волосы развевались по ветру.

Вдруг он увидел ее. Она шла по улице, шла медленно, опустив голову, словно искала что-то потерянное. Его первым порывом было закричать: «Хэлло, Катерина! Я здесь!» Но его бурный восторг быстро пропал при виде ее унылой фигуры. Она уже подходила к дому. Нет, нельзя дать ей войти, не поговорив с ней, если только...

— Катерина! Катерина!

И он подбежал к ней как раз в ту минуту, когда дверь дома № 11 открывалась на ее стук.

— Это я, Катерина! Я ждал целый час! Я, ох Катерина! — и он преисполнился нежности.

Она была очень красивая, хотя, ох, какая усталая! Казалось, она угадала его мысли и, повернувшись к нему, сказала:

— Нет, я не могу сегодня! Я слишком устала.

Он не смотрел на нее. Он видел, что тетка выглядывает из-за двери, точно черный паук. Видел ее ядовитую ухмылку.

— Что вам угодно? — спросила тетка и, обернувшись к Катерине, сказала: — Входи скорее!

Дверь захлопнулась. Он остался один. Дождь пошел сильнее. Он поднял воротник тужурки, и стоял, и смотрел на дверь. На дверь. На тонкую деревянную перегородку, которая отделяла его от Катерины, от его мечты...

Проливной дождь и сильный ветер загнали его в темный вход в пустую лавку.

II

Войдя в дом, Катерина прошла прямо к себе наверх и легла в постель. Тетка Анна скоро последовала за ней. Она стояла у изголовья кровати и смотрела на племянницу.

— Этот дурак,— сказала она, и слова ее походили на рычание,— ждал целый час. У него был вид такой кроткой овечки, что мне хотелось выбежать и хватить его по лицу кулаком.

Катерина лежала молча. Она знала Анну:

— Оставьте меня в покое. Я устала. Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я работала целый день. Неужели вы не можете понять?

Она перевернулась на другой бок. «Тетя ждет Уилби, а Джеральд ждет меня...» — думала Катерина. Ей хотелось расхохотаться. Она должна была захохотать, хохот пробивался наружу, как пар. Она должна была захохотать или взорваться.

Вдруг комната исчезла. Тетка Анна уже не стояла у кровати. Катерина была одна, и мысли унесли ее обратно, на резиновый завод. Завод стоит на берегу канала. Она работает в отделочном цеху. Комната длинная, в 10 окон, по 5 с каждой стороны. Стены выбелены. Одна сторона выходит на берег канала. Там сараи и котельная. Другая — обращена к высокой кирпичной стене, которая тянется во всю длину цеха и еще ярдов на 100 дальше. В комнате в два ряда стоят машины, посредине свободный проход в 6 футов шириной, по которому безостановочно целый день пробегают вагонетки, то пустые, то нагруженные. Сквозь лабиринт ремней высоко на потолке горит с десяток лампочек без колпаков.

Катерина стоит в этой комнате у одной из машин с отяжелевшими от сна глазами, рукава подвернуты до локтя, на голове белый бумажный чепчик, чтобы ролики не захватили прядей ее густых черных волос, когда ее голова наклоняется над ними, в ноздрях резкий запах расплавленной резины. Она пригвождена к машине, глаза прикованы к круглым стальным роликам, она не видит ничего, кроме них, не сознает ничего, кроме их медленного, однообразного, громоздкого движения. Она не слышит ни жужжания ремней, ни грохота машин, ничего, кроме крика, доносящегося сквозь яркий блеск и оглушительный шум: «Раз!» — и вслед за этим глухого стука, словно от падения человеческого тела: это стоцентнеровую массу резины разгружают в машину. Ролики движутся. Она поднимает руки: ее день начинается. Внешний мир исчезает. Дверь ее памяти захлопывается. Существуют только ролики и слой текущей резины.

Время от времени она зажимает нос, чтобы не чувствовать острого запаха. Она стоит у машины, и ее руки движутся слева направо, слева направо, скатывая горячую резину. А над всем жужжание и грохот. Она пленница этих звуков.

— Проснись,— сказала тетка Анна,— что ты спишь? Ты не устала, ты притворяешься мне на зло. Сойди вниз и выпей чаю.

— Я чуть не осталась без руки сегодня,— Катерина зевнула и легла на спину.

— Еще удивительно, как ты не осталась без головы. Встань! Слышишь, что я говорю? Ах, ты, лживая сука! Ты делаешь все на зло. Ты ненавидишь Уилби, ненавидишь меня.

Хохот, наконец, прорвался. Пар вырвался наружу. Ненавидит! Кого она может ненавидеть? Смеясь Катерина говорит:

— Нет. Я слишком устала, чтобы ненавидеть.

— Так ты не встанешь?

— Я не могу. Я хочу спать. Оставьте меня в покое.

Как покойно и хорошо лежать в постели, не слышать шума завода, грохота машин. Как хорошо, наконец, выбраться из хаоса этого дня.

— Так ты не встанешь? Не будешь пить чай?

— Нет. Я уже сказала. Я устала, как собака. Ради бога, оставьте меня в покое... Вы просто не хотите, чтобы я была дома, когда приходит мистер Уилби,— вот в чем дело. Пожалуйста, оставьте меня в покое...

III

«Как отвратительно,— думала Катерина,— что все мужчины одинаковы». Она живо вспомнила случай, происшедший сегодня утром на заводе. Некоторые рабочие из озорства бросали в расплавленную массу резины гвоздь, клочок тряпки или кусок палки, которые потом застревали между роликами, и тогда надо было быть очень осторожной. Надо было останавливать машину

«Фабричный район». *Рисунок худ. Уилл Барнета (США).*

и звать старшего мастера. Так случилось и в это утро. Он пришел, по обыкновению ворча, и посмотрел на нее пристальным взглядом. Она нагнулась, чтобы показать, где застрял гвоздь, и почувствовала, что он пристально смотрит на ее высокую грудь. Потом он прижался к ней, пользуясь привилегией старшего мастера. Она вспомнила его зловонное дыхание, и ее затошнило.

— Это гвоздь,— сказала она,— ребята бросили ради шутки...

Он засмеялся прямо ей в лицо и, все еще пристально глядя на грудь, сказал:

— Не понимаю, как еще цела твоя рука. Все мечтаешь? Вот твой гвоздь! — он швырнул гвоздь в ящик. — Почему ты не выполняешь общего правила? Почему не подождешь меня после гудка, как другие? — и он потерся лицом о ее грудь, повторяя: — Ну, будь, умницей, не корчи из себя недотрогу.

Ее мысли были заняты тогда Джеральдом. Он милый, но все же глупо с ее стороны думать, что он не такой, как все. Надо смотреть жизни прямо в глаза, все мужчины хотят только этого, даже Джеральд со своей милой улыбкой и кротким, как у теленка, лицом. Она закрыла глаза и ясно увидела Джеральда. Он теперь дома. Что же, все равно. Она в своей комнате, она одна. Здесь никто не может к ней приставать, подшучивать над ней, оскорблять, отдавать приказания. Вот почему она не встает и не идет гулять, как обычно, по вечерам. Она поняла, как хорошо и спокойно лежать в постели после длинного рабочего дня на заводе. Она будет прикована к этим машинам всю жизнь. Она никогда не избавится от них. Если бы она даже вышла замуж за Джеральда... Если бы даже она вышла за него, пришлось бы целых 5 лет жить на его жалованье, на 18 шиллингов в неделю.

Тетка Анна услышала стук. Он не походил ни на какой другой стук на свете. Ее сердце забилось. Она тихо сошла с лестницы и на цыпочках подошла к наружной двери. Их разделяла только одна деревянная дверь. Да, это он, мистер Джошуа Уилби.

Она бросилась наверх, ворвалась в комнату Катерины, не говоря ни слова, схватила удивленную девушку за руки, стащила с постели, крикнула:

— Уходи! Не может найти, чем развлечься! Какого чорта! Уходи! Убирайся! Ну!

Она стащила Катерину с кровати, вытолкала из комнаты и заставила сойти с лестницы. Внизу остановилась, сорвала с вешалки пальто и шляпу, швырнула их племяннице:

— Сюда!

Толкнула Катерину в кухню и из кухни — во двор:

— Чтобы духу твоего не было!

IV

Катерина стояла у темного входа. Дождь еще не перестал. Она стояла, не зная, что делать. Потом медленно пошла вниз по улице.

Улица была темным лесом, город — огромными джунглями. Никто не хотел оставить ее в покое: часы стаскивали ее с постели в половине шестого, резкий голос тетки раздавался в ушах, девушки на заводе смеялись над ней, называли мечтательницей, а мужчины пользовались всяким случаем, чтобы подойти вплотную. Это ужасно! И, увидев вдруг уголком глаза Джеральда, мысленно крикнула: «Нет. нет!»

— Катерина! — сказал Джеральд.

Она нахмурилась:

— Господи! Что тебе надо от меня? Неужели ты не веришь мне? Я устала. Ты ничего не хочешь понять...

— Катерина! — снова сказал Джеральд .— Еще есть время. Мы еще успеем!

Его лицо было совсем близко, и она знала, о чем он думает.

— Я устала. Я очень устала. Я работала целый день...

Он ничего не сказал. Словно не слышал.

— Господи! Какой ты бесчувственный! — продолжала она.

Нет, это неправда. Не следовало бы этого говорить. Но снова зашевелились воспоминания о пережитом дне, и она крикнула:

— Что тебе надо, в конце концов? — и близко придвинула к нему лицо.

Смеясь, он наклонился и поцеловал ее.

— Я люблю тебя, Катерина,— сказал он и улыбнулся ей своей смущенной широкой улыбкой.

Размахнувшись, она ударила его по лицу.

— Я тебе сказала: я никуда не пойду! Неужели не можешь оставить меня в покое? Ходишь по пятам, как собачонка!

Он повернулся, чтобы уйти.

— Катерина! — сказал он.— Прости, я знаю, мне не следовало бы приходить, я знаю, ты устала. Ну, я уйду... — и он медленно пошел прочь.

Она стояла, наблюдая за ним. Он уже отошел на два дома. Ей захотелось вдруг броситься за ним, сказать ему: «Джеральд! Прости меня. Я была гадкая. Я устала, потому и злюсь так на всех. Я ненавижу этот проклятый завод!»

Но она не двинулась с места

V

Джеральд медле... промок, был голод... кой он был неловк...

Ему надо было ... Бедная Катерина! ... он любит ее несмо... дни, другие вечера... мысли о Катерине ... хлопотами, приго... мог теперь думат... вовало встрече, ... му! Ах, если бы ... терина работала ... рано освобожда...

«Куда теперь?»

Рисунок худ. Рокуэла Кента (США).

всегда чистые, и.. «Ах, какой я дурак,— думал он,— не сговорился с ней о новой встрече...»

VI

Катерина постучала, тетка Анна открыла дверь.

Катерина поднялась к себе наверх, закрыла дверь и повернула ключ в замке. Ей хотелось быть одной, совсем одной. Тетка Анна позвала:

— Иди ужинать! Довольно валять дурака!

...о надо ужина. Ей ничего не надо.

Г. Рыклин.

Чудесное утро

Рис. худ. Н. Малолеткова

Совестно спать в такое чудесное утро, окрашенное приветливым октябрьским солнцем.

Макаров открыл глаза и вновь закрыл. Громко зевнул. Энергичным толчком правой ноги сбросил с себя одеяло. Подбежал к окну, распахнул его и...

Страшно удивился, увидев перед собой гору, гордо поднявшую к прозрачным облакам свою голову в осенней золотистой папахе.

— Каким образом очутилась здесь эта возвышенность? — вслух подумал Макаров.— Ничего не понимаю!.. Эй, бабушка! — крикнул он проходившей мимо старушке с кошолкой и, указав пальцем на гору, спросил: — Что это такое?

Старушка не растерялась:

— Арбуз, мой милый. Арбуз, голубок. Али сам не видишь?

— Да я серьезно спрашиваю. Что это такое?

Старушка рассердилась:

— Чего пристал?

— Меня интересует, откуда здесь взялась гора?

— Да этой горе, может, вчера тысячный год стукнул.

— Вот как! Она недурно сохранилась для своих лет. А как ее зовут?

— Ошалел, что ли? Машук! Так и зовут Машук!

Старушка, укоризненно качая головой, побрела дальше. Макаров почувствовал, что он действительно ошалел.

— Машук!.. Когда я ложился спать, под окном никакого Машука не было. Проснулся — и на тебе... Машук!

Он твердо знает: в его родном городе не то что горы, даже самого пустякового бугра нет. И вдруг за одну ночь, в порядке скоростного строительства, возник целый Машук, художественно оформленный усовершенствованными скалами, обрывами и лесным массивом.

Он стал напрягать память. Ах, да! Ведь небезызвестная гора Машук описана Лермонтовым. Действие происходит в Пятигорске.

Странно. Очень странно. Вчера поздно вечером, ложась спать, он своими глазами видел родной город. И не думал ехать на курорт. Как же утром он очутился в Пятигорске?

Может, он спит и все это ему снится? Такие случаи бывали, особенно в художественной литературе: человек спит, и чудится ему во сне всякая нереальная фантасмагория. Он нажал кнопку звонка. Подождал минут пять и еще раз нажал кнопку. [illegible]

[illegible]

Пятигорск, в гостиницу? Уму непостижимо! Он сел у окна и задумался.

За окном лежал парк, где шопотом переговаривались между собой багряные листья деревьев. Из-за большого тенистого дуба доносились голоса.

Макаров увидал двух советских командиров, трех мужественных бойцов и какого-то чужеземного солдата.

Судя по всему, солдат взят нашими в плен, и теперь командиры учиняют ему допрос:

— Мы просим сказать нам всю правду. Тем более, что мы сами все знаем. Скажите, из какой вы части?

Пленный долго молчал.

— Сколько в полку дальнобойных орудий?

— Два штуки.

— Больше. Мы это знаем.

— Три штуки.

— Больше.

— Пять.

— Вот это верно. Вполне соответствует данным нашей разведки. Фамилия вашего командира?

— Польковник... Сейчас скажу... Не могу выговорить. Фамилия очень смешная.

Пленный, забыв обо всем на свете, громко расхохотался. Такое легкомыслие рассердило одного из красных командиров — он топнул ногой и закричал на пленного:

— Степка! Мы так не играем!..

Макаров высунулся из окна и крикнул:

— Ребята! С кем воюете?

Один из командиров, стройный парень лет восьми, с обветренным в боях лицом, ответил:

— С белофиннами.

Макаров ничего не понял. Откуда такая игра? Почему с белофиннами? Вчера перед сном он слушал последние известия по радио. Там ни звука не было о Финляндии.

В дверь постучались. Вошел служащий Петькин:

— Не желаете ли позавтракать?

— С удовольствием.

— Из мясного можем предложить антрекот.

— А рыба какая-нибудь есть?

— Есть свежий судачок.

— Вот и сделайте мне судак по-польски.

— Хорошо. Хотя блюдо, можно сказать, не по сезону: Польши-то нет.

— Чего нет?

— Судак есть. Польши нет.

— Это вы всерьез?

— Что имеете в виду: судак или Польшу?

— Польшу.

— Всерьез и надолго.

— Когда я ложился спать, была Польша. ...чего не понимаю. У меня родной брат ...польской границе, в городе За-

...е живет на границе.

...кали о нем? Его пе-

...?

...или. Вперед на

... Вы, как видно,

... журналы и га-

...зумеете.

...в подошел к сте-

...адиорепродуктора.

...ь. Он услышал

...авствуют наши

...блик!»

...кился спать бы-

...ных республик.

Макаров взволнованно прошелся по комнате. На столике под цветочным горшком он увидел обрывок местной газеты. Он прочел заголовок над телеграммой: «Восстановлен водопровод в Киркиярви».

Странно. Почему пятигорскую газету вдруг заинтересовал водопровод в Киркиярви? Вот оно что! Оказывается, и здесь граница отодвинута! И все это произошло в течение... Ничего не понимаю!

Петькин принес журналы и газеты:

— Читайте, товарищ Макаров. Много нового на свете. Сегодня вот получил я письмо от дяди из города Измаила, и вот пишет он мне, что...

— Постойте, постойте. Где находится Измаил? Кажется, это в...

— Совершенно справедливо. В Бессарабии.

— И давно там ваш дядя?

— Пятый месяц.

— Что он там делает?

— Служит в армии подполковником.

Макаров пришел в ужас:

— Как?! Ваш родной дядя служит у них подполковником?

— Не у них, а у нас: ведь Бессарабия, а также Северная Буковина стали советскими.

— Когда же это случилось?

— Тогда, когда вы отдыхать изволили.

— Слушайте, а я теперь не сплю?

— Нет. Теперь как раз у вас сон прошел. Да разве во сне бывают такие факты?

— Что же вам пишет дядя из Измаила?

— Пишет он о том, что получил письмо от одного своего приятеля из Риги...

— А кто он, этот приятель из Риги?

— Генерал-лейтенант.

— И ваш дядя находится в переписке с генералом?

— Ничего тут особенного нет. Мой земляк, из нашей деревни, тоже недавно произведен в генералы. Но он не в Риге, а в Таллине, в Эстонии.

— Как же ваш дядя разрешает себе это? А? Вы мне еще, пожалуй, скажете, что и генералы советские, что и Рига советская, что и Таллин советский...

— Обязательно скажу. И даже добавлю: Каунас, столица Литвы,— тоже советский город. Подойдите, товарищ, к этой стене и взгляните на новую карту Европы: еще недавно вот здесь были желтые, сиреневые, бледносиние пятна, а сейчас эти краски вытеснены красным цветом — цветом наших знамен!

— Замечательно! — воскликнул Макаров, взглянув на карту.— Я уверен, что... как говорится, продолжение следует. Одно мне непонятно: мне кажется, что я спал всего одну ночь. Сколько же я спал в самом деле?..

★

Ответим на последний вопрос Макарова.

В основу нашего маленького рассказа мы взяли действительный факт. На-днях в газетах промелькнуло сообщение из Пятигорска об одном редком случае в медицинской практике. Какой-то приезжий (фамилия его не Макаров, а другая) еще в августе 1939 года заснул в Пятигорске, и до сих пор врачам никак не удается разбудить его.

Мы представили себе: человек проснулся, и ему кажется, что он спал всего одну ночь. Конечно, он полон удивления. Еще Козьма Прутков сказал:

— Глядя на мир, нельзя не удивляться...

К. Исаев

25 ТЕЛЕВИЗОРОВ В ОДНОМ ДОМЕ

Зимний вечер. В окнах больших домов на Петровском бульваре приветливо светятся огни.

Но вот в пятиэтажном доме неожиданно одна за другую гаснут лампы. Квартиры погружаются во мрак...

Дом, в котором померкли огни, видеофицирован. Впрочем, это слово многим непонятно, так как оно еще не вошло в обиход. «Video» в переводе с латинского означает «вижу».

...В комнате тов. Н. П. Федорова вся семья в сборе. На столе остывает чайник. Все с нетерпением посматривают на часы. Ждут девяти вечера. И когда наступает этот момент, молодая хозяйка Н. М. осторожно снимает цветистый коврик с изящного шкафчика в углу комнаты, затем включает штепсель и гасит свет.

На зеркальной крышке шкафчика вспыхивает яркое изображение. Голос диктора возвещает:

«Внимание. Показывает Москва!..»

То же происходит и в других квартирах.

Жители видеофицированного дома № 17 на Петровском бульваре имеют возможность, не выходя из своих комнат, смотреть новинки киноэкрана и спектакли в исполнении знаменитых артистов, незримо присутствовать на концертах, заочно встречаться со знатными людьми нашей родины.

25 квартир этого дома уже видеофицированы. Здесь установлены превосходные приемники, дающие большое безукоризненно четкое и яркое изображение, сопровождаемое хорошим звучанием.

Группа сотрудников телевизионной лаборатории Научно-исследовательского института связи: В. И. Бобков, И. Я. Сытин, О. Б. Кащенков и другие — под руководством Р. С. Буданова впервые нашла сравнительно недорогой способ видеофикации и осуществила его в порядке опыта в доме на Петровском бульваре.

В маленькой комнатке под самой крышей, где-то по соседству с чердаком, установлен один совершенный телевизор. Сигналы изображения, принятые им через эфир и соответствующим образом обработанные, передаются по обыкновенным проводам в квартиры, где установлены приемники предельно упрощенного типа.

Преимущества этого способа видеофикации очевидны. Изготовление упрощенного приемника обходится в четыре раза дешевле обычного, «эфирного» телевизора с таким же экраном, причем изображение по качеству получается лучшим.

Что касается расходов на оборудование домового телевизионного узла, то они, разложенные на большое количество абонентов, составляют сравнительно незначительную сумму. Даже в нынешнем виде домовый телевизионный узел может обслужить 150 абонентов на линии длиной в 250—300 метров. При некотором усложнении аппаратуры узла число абонентов можно довести до тысячи.

Видеофикация первого дома в столице осуществлена более полугода назад. За это время аппаратура телевизионного узла и абонентские приемники, изготовляемые нашими заводами, окончательно проверены и усовершенствованы. Первый опыт трансляции изображений по проводам вполне оправдал себя. Очередь теперь за другими домами. Эфирно-проволочная видеофикация должна стать таким же неотъемлемым элементом благоустройства культурных жилищ столицы, каким сегодня является радиофикация с помощью трансляционной сети.

На снимках: вверху — Ляля Воронова с подругой Галей слушают и смотрят телепередачу; в центре — телеузел дома № 17 по Петровскому бульвару; у аппарата — инженеры Телецентра Сытин и Кащенков; внизу — в квартире Н. П. Федорова во время телепередачи.

Фото Е. Микулиной

Ю. Добряков

У ОСТУЖЕВА

Свет лампы падает только на стол, приглушая очертания остальных предметов. На столе желтая тетрадь, страницы которой перелистывались столько раз, сколько дней и ночей просидел над ними в тишине и затворничестве хозяин этой квартиры — старый человек с глазами и походкой юноши. Ничто, кроме тетради, не говорит о том, что именно здесь создавались образы благородного Отелло и свободолюбивого Уриеля. Токарный станок, коллекция резцов, химикалии, старинный пистолет над изголовьем... Обитель актера или ремесленная мастерская? Пожалуй, и сам хозяин больше похож на трудолюбивого мастера, занятого выточкой очень тонкой и хрупкой детали. В самом деле, в его роду были и слесаря, и плотники, и столяры, и страсть к ремеслу перешла по наследству. Он действительно вытачивает тонкую и хрупкую деталь — человеческий образ. Он действительно трудолюбивый мастер советской сцены, ибо творчество в представлении Остужева — мучительный и сладостный труд, которым дано, сначала измучившись, насладиться.

— Нет! — говорит Остужев и кладет руку на желтую тетрадь, словно оберегая ее от любопытного взгляда. — Ни слова о Лире! Нельзя говорить о том, что вынашивается глубоко в сердце. Простите старого актера, но не будет ли эта роль его лебединой песней? Если бы поблизости был рояль... Я бы, пожалуй, напел вам роль, но только вполголоса.

Он почтительно, почти благоговейно смотрит на тетрадь. Да, если бы Шекспир написал только одного «Короля Лира», он был бы Шекспиром. Это произведение — энциклопедия человеческих страстей. Остужев склоняется над столом и импровизирует. Голая Британия... Соленый ветер с побережья... Люди, не знающие бритвы, и спящие, не снимая мечей... Ясное эллинское спокойствие природы и людские коварство, похоть, предательство...

Он видел Росси в роли Лира. Это был великий актер, но он окрашивал образ в цвет собственного настроения. Не полумифом будет его, Остужева, Лир, а человеком из плоти и крови, ибо ничто не существует вне материи, вне земного.

Остужев встает и прохаживается по комнате. Его захватывает образ, обуревают сомнения. Иногда ему кажется, что он слишком стар для Гамлета и слишком молод для Лира. Слишком молод несмотря на свои почти семьдесят лет!

Внезапно его осеняет какая-то мысль. Он останавливается около собеседника и голосом, просветленным от сознания внутренней убежденности, спрашивает:

— А труд? Разве этого мало?

Труд спас Остужева от разочарования, от отчаяния, от большого личного горя... Когда он решил стать актером, бывалые люди говорили: «Полно, Остужев, ты не годишься для сцены! У тебя приятный голос, но не дальше третьего ряда». Он выработал свою систему упражнений, и голосовые связки стали повиноваться ему как самый чувствительный акустический аппарат, воспроизводящий тончайшие нюансы речи — от гневного крика обличающего Уриеля до еле уловимого шопота влюбленного Отелло. «У тебя скован жест!» — говорили ему другие. Он разработал жест до такой выразительности, которая известна под названием «золотой грации». Можно поднять бокал с вином выше или ниже, но есть какая-то точка, на которой поднятый бокал достигает предельной красоты. Вы помните легкую походку Отелло-Остужева, вступающего победителем на Кипр, и его крадущиеся, обессилевшие шаги в спальне Дездемоны? «Остановись, мавр! — хочет крикнуть зритель. — Еще не поздно, остановись! Обличи Яго...»

Но самое трудное испытание было еще впереди. Неожиданная болезнь лишила его слуха, и это, казалось, навсегда закрыло ему дорогу в театр. Что может быть страшнее для композитора, когда он садится за рояль и не слышит свое произведение?! Но Бетховен преодолел несчастье и создал, уже глухим, Девятую симфонию. Что может быть страшнее для актера, когда он выходит на сцену и не слышит ничего: ни реплики партнера, ни своего голоса, ни единого шороха в зрительном зале. Но Остужев преодолел несчастье: он выработал особый трудовой режим, который потребовал аскетической жизни, полного отречения от всех благ, кроме единственного блага — служения искусству, народу. Свыше тридцати лет он живет одиноким в четырех стенах своей квартиры, и даже близкие друзья редко нарушают его покой, его творческое отшельничество. Он принужден учить текстуально не только свою роль, но и роли всех партнеров. Зато он полной чашей вознаграждает себя на сцене, когда выстраданный образ доходит до сердца зрителя, когда он чувствует призвание и высокое назначение своего труда.

Артист в задумчивости шагает по комнате. Потом он снова останавливается около собеседника и удивленно разглядывает его, словно видит впервые.

— Мнё часто говорят врачи: оставь театр, Остужев. Ужели ты еще не наигрался? Отдыхай, гуляй, сиди на бульваре... И вот я иногда представляю себя сидящим на бульваре с газетой в руках. Разве я буду нужен себе, жалкий больной старик? Разве я буду нужен другим, если погаснет мое творчество? Только мой труд избавляет меня от старости и вне его — бездна, ничто! Правительство посылало меня лечиться. Я честно соблюдал санаторный режим, не притрагиваясь к роли, но если мне удавалось сбежать в лес, я бродил по тропинкам и повторял вслух монолог Лира в изгнании...

Он смолкает и тихо смеется.

— Бывает, — продолжал он, — что Судаков не допускает меня на репетицию. «Александр Алексеевич! — молит он. — Отложим репетицию, на тебе лица нет...» Но я все же настаиваю на своем. Если мне суждено умереть на сцене, — это будет смерть бойца на поле битвы.

Его голос прерывается. Да, он не имеет права придти в театр просто «действующим лицом», огражденным равнодушием и бесстрастием профессионала.

Еще утром перед репетицией он взвинчивает себя до высшей точки нервного напряжения, повторяя отрывки роли. Никто не знает, как после спектакля он скрывается из театра через черный ход и бродит всю ночь по Москве в поисках нового спектра для образа. Поистине, вдохновение — тоже труд, но труд загадочный и необъяснимый! Остужев раскрывает дверцы шкафа и показывает химикалии. Если ему нужен для реактива милиграмм какого-то вещества, он взвесит его на аптекарских весах. Но какими весами можно измерить слезы Ермоловой? Какое объяснение можно найти для полного перерождения Шаляпина, когда он перед арией Демона вдруг становился бледным, как полотно?

Остужев снова кладет руку на тетрадь с ролью Лира. Его взгляд светлеет, голос становится еще тише и одухотвореннее:

— Я счастлив, что скоро выступлю на сцене Малого театра в роли Лира. Счастлив, что моя страна доверяет мне, скромному актеру, интерпретацию великих образов Шекспира. Иногда меня спрашивают: что такое Шекспир? Что это за явление в мировой культуре?

Он усмехается и вдруг вспоминает Гейне. Однажды некая литературная дама спросила поэта: «Доктор, что вы думаете о Гете?» Гейне скрестил руки на груди, набожно склонил голову и проговорил: «Ла илла илла илла алла, вамохамед расуль алла!» Дама, вспоминает поэт, сама того не зная, задала самый хитрый вопрос. Нельзя же спросить человека прямо: что думаешь ты о небе и земле?

Потом Остужев вспоминает случай из своей жизни. Он был еще молодым актером, когда в Россию приехал великий итальянский трагик Томазо Сальвини. Его привезли к русским актерам и сказали: смотрите, пока он жив, запоминайте его черты, жесты, голос. Остужев участвовал вместе с Сальвини в спектакле «Отелло». Он исполнял роль Кассио. В день спектакля театральная молодежь обступила трагика и кто-то спросил его: «Вы, величайший толкователь Шекспира, скажите: что вы думаете о нем?» Итальянец ответил лаконично: «Сегодня я играю Отелло. Приходите в театр. От восьми часов вечера до двенадцати часов ночи я скажу вам все, что знаю о Шекспире».

Актер задумывается, вспоминая пережитое. Потом снова говорит о своих творческих замыслах, с юношеским пылом обрисовывает задачи художника. «Меня вдохновляет мысль, — говорит он, — что мы несем через искусство зрителю свободолюбивые стремления, воспитываем в народе мужество, честность, благородство. Наше искусство вкрапливается через общение со зрителем в созидательный пафос социализма». С каким бы наслаждением сыграл он героя нашего времени, большевика, человека прекрасной души, ясной и чистой жизни!

— Я верю, что образ, о котором я мечтаю, будет создан, — убежденно произносит Остужев, — и если силы окончательно не оставят меня, я постараюсь воплотить его на сцене.

Собеседник уходит от большого артиста нашего времени, унося частицу остужевского тепла, его чистоты и бескорыстия, его преданного служения родине и народу. А он провожает гостя до дверей, старый человек с глазами и походкой юноши, заглядывает в глаза и ласково пожимает руку:

— Вы, право, извините! Все мы, старики, слишком мечтательный народ.

Народный артист СССР А. А. Остужев на репетиции «Короля Лира». Рядом с ним: заслуженная артистка РСФСР С. Н. Фадеева, слева: народная артистка РСФСР Е. Н. Гоголева.

Фото Дм. Бальтерманц

И. Русанов

ИГРА В «ТИМУРА»

По утрам ребята собирались на террасе и нестройным хором начинали:

«— Карл украл у Клары кораллы, а Клара украла у Карла кларнет».

Скороговорка, напоминавшая пение горластых галок, повторялась залпами, десятки раз...

Взрослые, разумеется, тем временем просыпались и вставали. Одному из них ребята немедленно докладывали:

— Иван Владимирович! А мы уже сегодня тренировались.

В доказательство обретенной чистоты и ясности произношения коварная фраза повторялась еще несколько раз: «Карл украл у Клары...» Успех тренировки был явным: язык не заплетался на причудливом сочетании слов. И теперь нетрудно будет проговорить простые реплики так, как этого требовал режиссер,— четко и внятно. Но если бы дело было только в произношении!

...Отряд московских пионеров приехал в дачную местность под город Куйбышев, к живописным берегам Волги, чтобы провести здесь увлекательную игру, полную романтики и благородства. Играть нужно было необычно — для экрана.

Условия игры — до мельчайших деталей—разработал писатель А. Гайдар в сценарии фильма «Тимур и его команда».

Все остальное оказалось в руках режиссера А. Разумного, его ассистента И. Лукинского, оператора П. Ермолова и непосредственных исполнителей.

По сценарию, душа и организатор пионерской игры — Тимур, подросток с великолепными задатками волевого, мужественного, подлинно нового человека. Под его началом в дачном поселке действует команда. У всех тимуровцев на груди красная звездочка. Полная конспирация — так интереснее. Военная дисциплина — без этого нельзя. Сложная система сигнализации, позволяющая в несколько минут собрать всю команду. На чердаке, в укромном месте, штаб.

Тимуровцы не играли в «шайку кровожадных пиратов» и не копались по ночам в земле, разыскивая чудесный клад, чем усиленно занимался их американский сверстник Том Сойер.

Романтика советских ребят другая... Команда Тимура увлеклась большим и благородным делом: она решила помогать семьям красноармейцев во всем поселке.

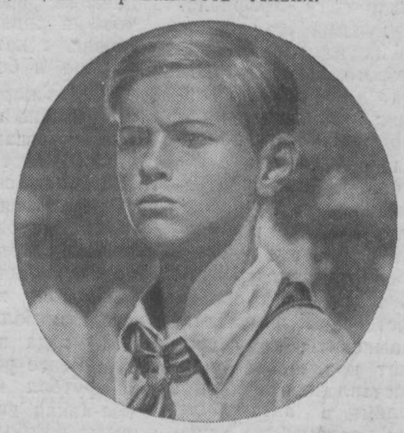
И вот у старухи-молочницы, проводившей сына в Красную Армию, бочка наполняется свежей водой — неизвестно кем и когда. Вот таинственным образом складываются в поленницу дрова во дворе у другой красноармейской семьи.

Шайка озорника Квакина, замыслившая набег на «подшефный» тимуровцам фруктовый сад, оказалась разоблаченной и опозоренной.

Все, что говорилось в сценарии, для актеров с красными галстуками было понятным и увлекательным. Они занимались съемкой с детской непосредственностью и серьезностью взрослых. Игра в фильм сочеталась с посильным для них трудом актера, отдых — с полезными занятиями, удовольствие — с творческой радостью...

Юные исполнители фильма «Тимур и его команда» — способные, развитые дети—прекрасно поняли замысел произведения и свои роли. Они стремились «жить в образе», а не «зубрить» реплики и жесты.

Самая трудная актерская роль выпала на долю ученика московской художественной школы Ливия Щипачева. Он стал Тимуром после того, как режиссер просмотрел по крайней мере 300 подростков. Постановщиков привлекли вдумчивость, серьезность, дисциплинированность Ливия.

Ливий Щипачев в роли Тимура.

Ливий «вживался» в образ вожака советских ребят. Он председательствовал на собраниях пионерского отряда кинематографистов, командовал на военных занятиях. По сценарию, Тимур ездит на мотоцикле. И Щипачев научился этому искусству — необычному для четырнадцатилетнего подростка.

Вместе со своими товарищами Ливий твердил по утрам скороговорки, овладевая техникой речи, десятки раз репетировал каждую сцену, каждую фразу.

Иногда юные исполнители исправляли недочеты сценария.

Ливий Щипачев, исполнитель роли Тимура, светловолосый мальчуган, вытянувшийся не по возрасту, нервничал: у него не выходила реплика, адресованная Квакину:

«— Ну что, атаман, боишься? Эх ты, горе-атаман!»

— Так у нас не разговаривают,— хмуро сказал, наконец, Ливий.

— А как? — ухватился ассистент режиссера.

— Были врагами, а когда победили,— нечего ругаться,— заметил кто-то из «квакинцев».

— Набили мы им, и злость прошла,— вставил «тимуровец».

«А ведь и правда,— подумал ассистент режиссера.— Логично и благородно. Нужно что-то изменить!»

Тут же решили: Тимур назовет Квакина не атаманом, а по имени— Мишкой. Проще и теплее. А дальше?

— Я знаю,— заявил Игорь Смирнов, играющий роль ближайшего друга Тимура, — пусть Ливий скажет: «Ну что, Мишка? По-вашему или по-нашему вышло?» А дальше по-старому, как в сценарии...

Сцену быстро срепетировали. И теперь она получалась как в жизни.

Команда Тимура и шайка Квакина должны были враждовать только во время съемок. Но после особенно воинственных сцен «квакинцы» косились на «тимуровцев» и наоборот. А главари старались не попадаться друг другу на глаза...

— Что же это вы, ребята? — останавливали их воспитатели.

— Мы еще в образе, — отвечали ребята,— сейчас отойдем...

И действительно, через несколько минут от «вражды» не оставалось и следа. Ребята жили дружной семьей. Каждый помогал товарищу. И когда «тимуровец» Игорь Смирнов должен был, по сценарию, броситься в реку, чтобы предупредить Тимура о нападении шайки Квакина, его научил плавать «атаман» — в жизни честный и активный пионер Борис Ясень...

Все стремились быть такими, как «тимуровцы»: смелыми, веселыми, благородными, настоящими пионерами. И никто не хотел походить на «квакинцев», тем более исполнители их ролей на экране.

Героев фильма вслед за актерами полюбят зрители. Замечательная история, рассказанная в фильме, не может не увлечь советскую детвору.

Кадры из фильма «Тимур и его команда». Слева: Женя, дочь командира Красной Армии (Катя Деревщикова); в кругу слева: «Молочница удивлена... опять кто-то наполнил бочку водой». В роли молочницы — артистка А. Максимова; в кругу справа: «В штабе Тимура».

За рубежом

КАРТОТЕКА ЛЕЙТЕНАНТА ЮЛЧА. Полицейский лейтенант Адам Юлч стал за последнее время популярной фигурой в США. Он ввел новшество в дело борьбы с преступностью, создав картотеку... меток ньюйоркских прачечных, мастерских химической чистки.

Некоторые грабители впопыхах забывают неподалеку от места преступления — от взломанного сейфа или убитого ювелира — свои носовые платки или пальто, побывавшие в чистке. Адам Юлич занялся собиранием и каталогизацией таких меток. В стальных ящиках полицейского участка, где он работает, насчитывается около 75 тысяч стандартных карточек с изображениями таких меток, их образцами и адресами прачечных и химчисток, пользующихся данными метками. С помощью этой своеобразной картотеки Юлчу удалось раскрыть сотни преступлений, совершенных, казалось бы, по всем правилам грабительской «техники безопасности». Картотека Юлча приобрела такую славу, что теперь поставлен вопрос о создании «Всеамериканского бюро меток прачечных и химчисток» в столице страны — Вашингтоне. Власти штата Нью-Джерси уже приступили к созданию такого бюро в масштабе штата.

Привычка — великое дело, и стоит грабителю прожить некоторое время на одном месте, как он начинает отдавать свое белье в одну и ту же прачечную. А прачечные имеют привычку ставить на белье своих клиентов метку и записывать их адрес. Некоторые американские прачечные и мастерские химической чистки ставят невидимые метки химическими чернилами, обнаруживающиеся только при освещении их ультрафиолетовыми лучами. Но это не спасает их клиентов: Юлчу, которого вызывают как эксперта для осмотра обнаруженной одежды и белья преступников, приходится только возить с собой в чемоданчике ультрафиолетовую лампу.

Мысль создать картотеку меток пришла Юлчу, когда ему пришлось потратить 2 месяца и обойти 200 мастерских химчистки, чтобы выяснить, кому принадлежит коричневое пальто, оставленное одним грабителем в автомобиле. В этом автомобиле преступник бежал со своей добычей (20 тысяч долларов), а потом бросил его в соседнем городе, чтобы замести следы. Поиски Юлча увенчались двойным успехом: он нашел и грабителя и хорошую идею, осуществление которой упрочило его служебное положение и принесло ему всеамериканскую известность.

ОПУСТЕВШИЕ СТАДИОНЫ. Когда читаешь английские газеты, бросается в глаза почти полное отсутствие спортивной информации. В газетах, где спортивный отдел до войны считался чуть ли не ведущим, теперь его либо вовсе нет либо он влачит жалкое существование. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что спортивная жизнь Англии в условиях войны и ежедневных воздушных налетов на жизненные центры страны с каждым днем все больше и больше замирает.

Уже в первый период войны (пассивный), когда вражеская авиация еще не начинала действий против Англии, английский спорт начал свертываться. Были отменены или отложены до лучших времен основные спортивные соревнования страны.

Первой жертвой войны стал футбол. Если в начале 1940 года в Англии более или менее регулярно играли в футбол и существовала кое-какая видимость розыгрыша футбольного первенства, то сейчас положение вкорне изменилось. Из 100 с лишним профессиональных команд больше двух третей распущено. Причины этого ясны. Первая — и в английских условиях основная причина — тяжелое финансовое положение, в котором очутились профессиональные клубы. Футбольные соревнования проходят как бы «при закрытых дверях». На матчи из опасения воздушных бомбардировок допускается весьма ограниченное число зрителей. Доходы от таких матчей, конечно, не окупают расходов. Но этого мало. Большинство футбольных полей закрыто: их используют либо под огороды либо в качестве площадок для военного обучения новобранцев. Таким образом, английскому футболу недостает не только зрителей, а вследствие этого и денег, но и места для проведения матчей. К тому же отсутствует и другой реквизит футбола — живая сила, то есть сами футболисты. Английская молодежь призвана под ружье. Футбольные команды приходится комплектовать либо совсем зелеными юнцами либо «старичками». Ни те, ни другие не отвечают своему спортивному назначению.

Война наложила свой отпечаток и на самую формулу розыгрыша футбольных соревнований. До войны в розыгрыше первенства страны участвовало около 100 команд, разбитых на группы по квалификации, причем места в розыгрыше определялись по сумме набранных очков из расчета: победа — два очка, ничья — одно и поражение — ноль. Сейчас эта формула оказалась непригодной. Нередко из-за сигнала воздушной тревоги матч приходится прекращать на ходу. Такой матч уже не переигрывается, и результат его определяется по соотношению забитых и полученных командами мячей. Этот принцип лег в основу того ублюдочного первенства, которое разыгрывается в Англии под грохот взрывающихся воздушных бомб. Разумеется, прекратил свое существование и футбольный тотализатор — эта движущая сила британского футбола. Английские тотошники переключились на военную промышленность.

Современный Париж. На площади Оперы.

Война отразилась не только на футболе, но и на других разновидностях спортивных зрелищ и соревнований.

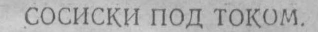
Во время одного из воздушных налетов была уничтожена гребная станция Оксфорда со всем находившимся в ней инвентарем, в том числе и с знаменитой «восьмеркой», на которой должны были выступать «синие». Новых же «восьмерок» в Англии сейчас не строят. Даже самые незначительные верфи перегружены военными заказами.

Не пощадили военные действия и четвероногих героев английской скаковой дорожки. Не так давно в газетах был напечатан трогательный некролог по поводу «трагической гибели на лугах Саррея от взрыва фугасной бомбы гнедого жеребца «Львиное сердце», дербиста 1936 года». Участь его угрожает и другим скакунам английских кровей, питомцам знаменитых конюшен Соединенного королевства. Принимаются меры к сохранению скакового поголовья. Наиболее ценные экземпляры вывезены в США и Канаду.

«Собачьи бега» пользовались в Англии большой популярностью и успешно конкурировали со скаковыми испытаниями. Основной их приманкой была не зрелищная сторона дела, а дешовый тотализатор. Сейчас тотализатор закрыт. Без тотализатора и без зрителей бега начали быстро хиреть, а сейчас и совсем закрылись. Как сообщают газеты, имеются жертвы и среди «премьеров» собачьих бегов. Так например погибла знаменитая собака «Майк-мельник», многократная победительница крупнейших соревнований, о которой одна газета с умилением вспоминает, что она реагировала на аплодисменты публики усиленным вилянием хвоста. Похоронен бедный «Майк» в Манчестере, невдалеке от того бегового поля, на котором он стяжал себе «бессмертную славу». На надгробном камне начертана надпись: «Самой умной и быстроногой собаке в Англии».

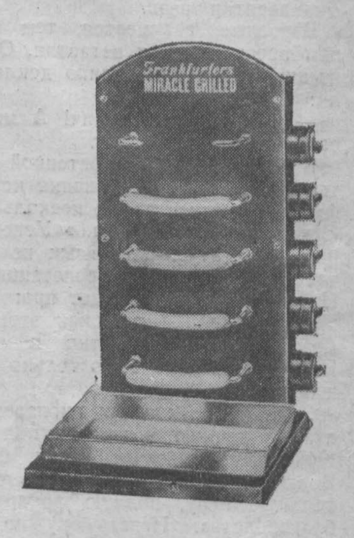
Пустые стадионы, увенчанные зенитками, футбольные поля и беговые дорожки, превращенные в военные плацы, на которых маршируют солдаты, — вот то, что напоминает сейчас в Англии о спорте.

В. ФЕЛЬД

СОСИСКИ ПОД ТОКОМ.

Для привлечения клиентуры в американских кафетериях недавно стали применять оригинальный способ мгновенной готовки популярного блюда, так называемых «hot dogs» («горячих собак»). Это обычные сосиски, насаживаемые на металлические крючки. Сквозь сосиски пропускается электрический ток, и через сорок пять секунд сосиски готовы. Все это происходит на глазах у публики.

Небольшие портативные приборы для моментальной варки сосисок такого же типа выпущены и для домашнего употребления. Прибор закрывается предохранительной крышкой. В момент поднятия крышки ток автоматически выключается.

Новое в науке и технике

ПРИБОРЫ ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ДЫХАНИЯ. Для осуществления искусственного дыхания американский врач Дьюэлл Гэнн предлагает применять полые резиновые сосуды в форме глубоких овальных блюд,

которые накладываются на грудную клетку потерпевшего и присасываются к телу, как банки. Ритмическое надавливание на эти «банки» вызывает не только расширение и сжатие грудной клетки, но в то же время воздействует на кровеносные сосуды участков кожи, расположенных под «банками», и стимулирует кровообращение.

Один швейцарский врач предлагает для той же цели пользоваться насосом двойного действия, который высасывает из легких использованный воздух и нагнетает свежий. Изобретатель полагает, что этот метод будет особенно эффективен при отравлениях некоторыми боевыми отравляющими веществами.

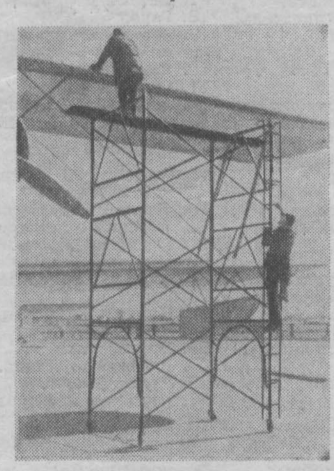
Метод, предлагаемый одним калифорнийским изобретателем, может применяться как для искусственного дыхания при несчастных случаях, так и для периодического упражнения ослабленных грудных мышц и «вентиляции» легких при эмфиземе (болезненном увеличении объема легких). Сконструированный им прибор похож на средневековый панцырь, покрывающий всю грудную клетку. Панцырь воздухонепроницаем. Через резиновый шланг ритмически накачивается и выкачивается воздух, что вызывает сжатие и расширение грудной клетки.

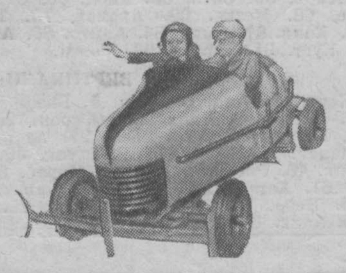
НЕБЬЮЩИЕСЯ ОЧКИ. В США изобретена пластмасса, годная для выделки оптических линз. Эту массу нельзя отливать в форму, зато можно пилить, сверлить, обтачивать и даже шлифовать и полировать на станках, предназначенных для обработки оптических стекол. Пластмасса эта исключительно стойка в отношении солнечных и ультрафиолетовых лучей. Из этого материала начато опытное производство небьющихся очков.

ПОГЛОТИТЕЛЬ ШУМА НА ШЕСТЕРНЯХ. Одна американская фирма установила, что для устранения шума, вызываемого работающими зубчатыми колесами (например у трамваев), к ободу зубчатого колеса или шестерни нужно приварить изнутри в нескольких точках тонкое металлическое кольцо. Это кольцо поглощает вибрации, вызываемые ударами зубьев, и тем самым устраняет шум.

Кольцо необходимо приварить в определенном числе точек; если число точек меньше или больше положенного, кольцо полностью вибраций не поглотит.

ДЛЯ РЕМОНТА САМОЛЕТОВ. Показанные на прилагаемом фото подмостки из трубчатой стали были испытаны летом на аэродромах войск береговой обороны США. Этим подмосткам может быть придана любая требуемая высота, так как они собираются из отдельных секций. Два человека могут собрать подмостки, состоящие из шести секций (по полтора метра высоты каждая) за полчаса. Нижняя секция снабжена роликами, так что все сооружение легко передвигается по аэродрому.

АВТОМОБИЛЬ-ЛИЛИПУТ. Показанный на нашем фото миниатюрный автомобиль приводится в действие мотором мощностью в 2,5 лошадиной силы. Максимальная скорость маленькой машины — 40 км в час. Управление очень упрощено: юный водитель имеет дело только с рулевым колесом и с комбинированным рычагом, который приводит в действие и стартер и тормоза машины.

«КАРМАННАЯ» ПОДЛОДКА. Как сообщает американский журнал «Популер механикс», в Японии строятся так называемые карманные подводные лодки. Экипаж подлодки состоит всего лишь из трех человек. Она имеет в длину 5,5 метра, ее водоизмещение — 100 тонн. Подлодка может погружаться на весьма значительную глубину — до 550 метров.

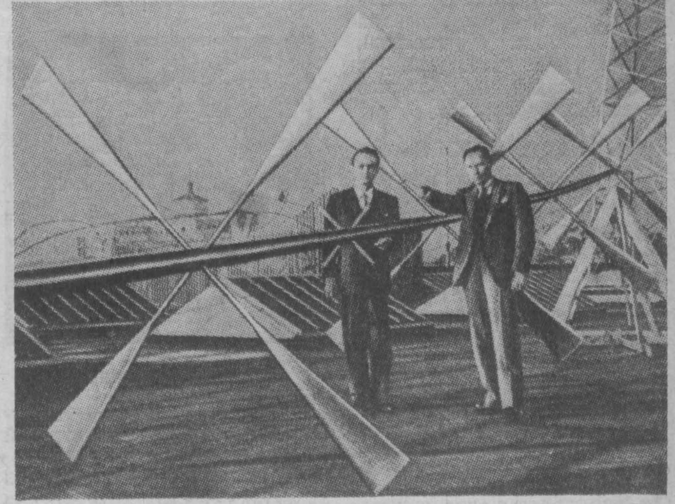
Вооружение «карманной» подлодки состоит из двух торпед. Это, собственно говоря, управляемая двойная торпеда.

Лодка имеет двигатель — дизель — в 100 лошадиных сил. На поверхности она развивает скорость в 36 узлов.

Радиус действия — около тысячи километров.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ АНТЕННА. Голливудский телевизионный центр испытывает в настоящее время действие новой телевизионной передающей антенны оригинальной формы.

На 18-метровой мачте насажены 4 счетверенных луча ввиде весел.

Эта антенна должна улучшить четкость телевизионных изображений.

На снимке антенна показана в горизонтальном положении перед установкой на крыше здания.

Заметки натуралиста

БАМБУКИ. Маленькие клочки тропического мира можно видеть на севере только в ботанических садах, где вечнозеленые пальмы, древовидные папоротники, гигантские бамбуки выращиваются под стеклом высоких теплых оранжерей.

Древовидные бамбуки из Южной Америки, которые уже более 40 лет растут в оранжерее Ботанического сада МГУ, приходится почти ежедневно подрезать, так как они достигли до самого верха и могут в своем неудержимом стремлении к росту пробить стеклянные рамы крыши. В Абхазии бамбуки нередко выгоняют ствол в 15—20 метров всего за 2—3 месяца, причем максимальный прирост их в день равняется 40 сантиметрам. В тропиках при особо благоприятных условиях скорость прироста достигает даже 1 метра в день, и бамбуки имеют там вид высоких деревьев, 30—40 метров высотою и до 40 сантиметров в диаметре.

Очень интересны бамбуки по биологии своего цветения, так как многие из них принадлежат к растениям, цветущим раз в жизни и погибающим после плодоношения.

Проходит много времени, иногда лет 100, прежде чем зацветет бамбук. Цветение его охватывает все насаждение и влечет за собою полное отмирание всех его частей, что является настоящим бедствием для окрестного населения. На Кавказе и в Крыму несколько лет тому назад наблюдалось массовое цветение черного бамбука, в результате чего он почти не встречается на побережье. Гибель бамбука можно предотвратить, срезая при наступлении цветения его побеги, чтобы сохранить жизненность корневища.

Помимо своей декоративности бамбук является чрезвычайно полезным растением, и применение его крайне разнообразно.

Бамбук идет на изгороди, мебель, плетение корзин, постройку жилищ, водопроводные трубы, мачты, доски, спортивный материал, различные изделия домашнего обихода и т. п. Молодые побеги его съедобны и очень вкусны, они напоминают спаржу и являются лакомым блюдом в Китае.

Т. АСТАПОВА

ГОВОРЯЩИЕ ПТИЦЫ. Как-то мне пришлось быть в Московском зоопарке у заведующего орнитологической секцией. Во время нашей беседы послышался лай собаки. Мы насторожились. Забежавший в Зоопарк пес мог испугать птиц. Заведующий вышел искать собаку в вольерах. Скоро он вернулся, ничего там не обнаружив. Но как только он вошел в помещение, лай снова повторился, и на этот раз почти рядом с нами. Тут мы обнаружили, что подражал собачьему лаю сидевший в клетке черный ворон.

Этот случай заставил сотрудников Зоопарка уделить ворону больше внимания. В настоящее время ворон уже ясно выговаривает слово «Воронок», и когда ему становится скучно, он произносит это слово до тех пор, пока к нему не подойдут и не приласкают его.

На новой территории Зоопарка находится сейчас молуккский какаду «Володя», который произносит около сорока слов, что также считается большой редкостью.

Мне приходилось учить скворцов произносить отдельные слова. Встречались разные скворцы: одни очень трудно поддавались этому искусству, другие же, наоборот, очень скоро приучались говорить. Успех зависит от индивидуальных особенностей птицы и устройства ее голосовых связок, а также от внимательного и бережного отношения к ней обучающего.

Л. ШТРАНДТ

ШАХМАТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГРОССМЕЙСТЕРА А. КОТОВА

Помещаем рассказ мастера шахматной композиции СССР В. А. Королькова, знакомящий читателей с увлекательной областью шахматных юморесок.

«СТАДО ФЕРЗЕЙ»

Рассказ-шутка

Матч между мастером Мастеришкиным и первокатегорником Категоркиным достиг кульминационного пункта. Заносчивый и самовлюбленный Мастеришкин писал в местной газете:

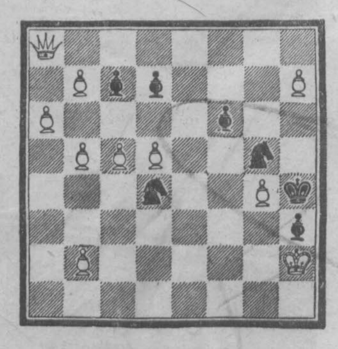
«В предпоследней партии матча получилась любопытная позиция:

«Здесь черные сыграли...

1. . . . . Kd4—f3+
2. Kph2 — hl Kg5 — e4

наивно полагая, что они дают мат белому королю.

Категоркин

Мастеришкин

На это я ответил блестящей, далеко рассчитанной комбинацией:

3. h7—h8Ф+ Kph4—g3
4. Фh8 : h3+! Kpg3 : h3
5. Фa8—h8+ Kph3—g3
6. Фh8—h2+! Kf3 : h2
7. b7—b8Ф Kh2—f3
8. Фb8 : c7+ Kpg3—h3
9. Фc7—h2+! Kf3 : h2
10. Kph1—g1 Kph3—g3

Мой противник все еще рассчитывает дать мат в четыре хода (11. Kd2; 12. Kf3+, 13. Ke4 и 14. Kf2 мат), но он не предвидит всей глубины моих замыслов.

11. b5—b6 Ke4—d2
12. b6—b7— Kh2—f3+
13. Kpg1—h1 Kd2—e4
14. b7—b8Ф+ d7—d6

Иначе вечный шах по полям h8 и b8.

15. Фb8 : d6+ Kpg3—h3!
16. Фd6—h2+! Kf3 : h2
17. Kph1—g1 Kph3—g3
18. a6—a7 Ke4—d2
19. a7—a8Ф Kh2—f3+
20. Kpg1—h1 Kd2—e4

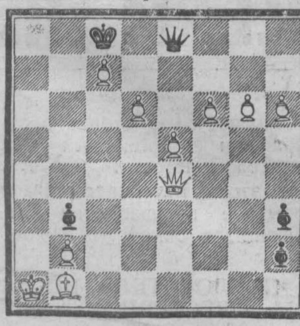
и теперь я форсировал ничью вечным шахом, играя ферзем на b8 и h8.

В этой партии, впервые в истории шахмат, у белых было целое стадо ферзей — пять штук! Даже если я проиграю матч, моральная победа останется за мной!»

Наступил день последней партии матча. Категоркину достаточно было сделать ничью, чтобы выиграть матч.

В острой, запутанной позиции

Мастеришкин

Категоркин

Мастеришкин сыграл

1. . . . . h2—h1Ф

и тотчас же пояснил зрителям, толпой окружившим играющих:

«Я грожу сыграть 2. Ф : e4 3. С:e4 Фa4+4. Kpb1Ф : e4+ с разгромом. На 2. Ф : h1 я дам мат посредством 2. Фa4 + 3. Ca2Ф : a2».

Партия продолжалась

2. Фd4—g4+ Фe8—d7

Мастеришкин высокомерно заявил:

«Я не даю своему противнику никаких шансов. Если бы я сыграл 2. Kpb7, то белые давали вечный шах 3. Фb4 + Kpa6 4. Фc4 + Kpa5 5. Фc5 + и т. д.»

В цейтноте с молниеносной быстротой были сделаны ходы

3. Фg4 : d7+ Kpc8 : d7
4. e5—e6 + Kpd7—c8
5. d6—d7 + Kpc8 : c7
6. d7—d8Ф+ Kpc7 : d8
7. e6—e7 + Kpd8—d7
8. e7—e8Ф+ Kpd7 : e8
9. f6—f7+ Kpe8—e7
10. f7—f8Ф+ Kpe7 : f8
11. g6—g7+ Kpf8—f7
12. g7—g8Ф+ Kpf7 : g8
13. h6—h7+ Kpg8—g7
14. h7—h8Ф+ Kpg7 : h8

Белым пат!

«Вы не считали, кажется, у меня было шесть ферзей?» — скромно улыбаясь, спросил Категоркин своего обескураженного противника.

Так был посрамлен мастер Мастеришкин.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» П. И.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Вид зимнего транспорта.
6. Великий украинский писатель.
12. Наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления.
13. Столица Уругвая.
16. Знаменитый русский художник.
20. Приток Сены.
25. Холодное оружие.
27. Изделия из обожженной глины.
28. Название подводной лодки, описанной Ж. Верном.
30. Река в Германии.
31. Воспитанник военного училища в царской России.
32. Порт во Франции.
33. Наука о движении и силах, его вызывающих.
34. Место общественного питания.
35. Кубок.
36. Нижнее освещение сцены.
39. Порт во Франции.
40. Вид устрицы.
41. Звук в телефоне приемника.
42. Буква латинского алфавита.
43. Наука о превращениях, составе и строении простейших веществ.
44. Французский композитор.
46. Простейшая машина.
49. Один из видов ранения.
50. Герой произведения Гоголя.
54. Река в СССР.
55. Женская одежда.
59. Пьеса Горького.
60. Десятиногий рак.
62. Настольная игра.
63. Роман Гончарова.
64. Колокольный звон — сигнал тревоги.
65. Древнеримский поэт.
66. Стихийное бедствие.
67. Французский писатель.
69. Роман Войнича.
71. Деревня.
73. Священный город мусульман.
76. Речка, прославленная переходом через нее Цезаря.
79. Спиртной напиток.
81. Сосуд.
84. Растение.
85. Единица веса.
87. Тонкая веревка.
88. Войско.
89. Чародей.
90. Спутник Сатурна.
91. Герой романа Толстого.
92. Дерево.
94. Французский писатель.
97. Часть театрального зала.
98. Геометрическая фигура.
99. Сорт яблок.
100. Животное.
101. Сорт конфет.
102. Домашняя птица.
103. Наука о болезнях и их лечении.
104. Вид поэтического произведения.
106. Материя.
107. Город в Голландии.
110. Строительный материал.
117. Философский термин.
118. Империалистическое государство, владеющее колониями.
119. Опыт.
120. Место посадки самолетов.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Хищное животное.
3. Оптический прибор.
4. Мужское имя.
5. Департамент в Чили.
6. Известный композитор.
7. Деталь машины.
8. Город в СССР.
9. Остров в Средиземном море.
10. Часть лица.
11. Штат в США.
14. Экстренное сообщение.
15. Остров в Индийском океане.
17. Ряд.
18. Знаменитый скрипач и композитор.
19. Итальянская колония.
20. Русский адмирал.
21. Город в Европе.
22. Перерыв между действиями в спектакле.
23. Город в СССР.
24. Наука об ораторском искусстве.
25. Неразбериха.
26. Русский писатель.
29. Русский поэт.
37. Один из электродов.
38. Цветок.
45. Жилище.
47. Прибор для размножения рукописей и чертежей.
48. Шахматный термин.
50. Музыкальный термин.
51. Титул правителей в Индии.
52. Кровельный жолоб для стока воды.
53. Средство транспорта.
55. Герой романа М. Твена.
56. Проявление недовольства.
57. Бокал.
58. Название оперы.
61. Ячейка первобытного общества.
62. Река в Бельгии.
67. Мельчайшая частица вещества.
68. Местопребывание.
70. Животное.
72. Комедия Островского.
74. Военная операция.
75. Воздухоплавательный аппарат.
77. Представитель одного из народов СССР.
78. Подражание.
79. Кушанье.
80. Планета.
82. Хирургическая помощь.
83. Город на острове Кубе.
85. Горный хребет.
86. Геометрическая задача.
93. Плод.
95. Утес.
96. Богиня плодородия в древнем Египте.
103. Трагедия Еврипида.
105. Часть науки кораблевождения.
108. Приморский город в СССР.
109. Музыкальный термин.
111. Столица одного из средиземноморских государств.
112. Зрелищное предприятие.
113. Республика в Южной Америке.
114. Химический элемент.
115. Север.
116. Исполнение музыкального или вокального произведения одним лицом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 35 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Канат. 4. Сабур. 7. Окно. 9. Анды. 12. Парагенезис. 15. Данте. 16. Али. 17. Иудея. 18. Рота. 21. Онон. 23. Заказ. 26. Тацит. 29. Косяк. 32. Оцелот. 33. Либава. 34. Питон. 35. Ропот. 37. Диван. 38. Трос. 41. Мот. 42. Поти. 44. Дело. 46. Уния. 48. Рака. 49. Арык. 50. Ибис. 51. Нивелир. 52. Пюре. 53. Мазь. 54. Амок. 56. Сити. 58. Анод. 60. Окоп. 61. Кох. 63. Жюри. 65. Ритор. 66. Бекас. 68. Метис. 69. Аромат. 70. Тальма. 71. Буран. 74. Канал. 76. Нитки. 79. Кони. 81. Оман. 84. Авизо. 85. Абу. 87. Абмар. 88. Железобетон. 89. Чифу. 90. Куст. 91. Химия. 92. Рента.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Копер. 2. Нерет. 3. Тога. 4. Сени. 5. Бизон. 6. Расин. 8. Канна. 10. Дидло. 11. Адуа. 13. Елец. 14. Няня. 19. Оберон. 20. Атор. 21. Отит. 22. Обабок. 23. Запад. 24. Катализатор. 25. Зонт. 27. Атом. 28. Илот. 29. Кади. 30. Суверенитет. 31. Канак. 36. Поселок. 39. Русак. 40. Синоп. 42. Париж. 43. Тапир. 45. Обь. 47. Яик. 48. Рис. 49. Ара. 53. Мираб. 55. Молоко. 57. Тюрьма. 59. Доски. 60. Оран. 61. Кета. 62. Хата. 64. Иман. 66. Баки. 67. Сало. 72. Урал. 73. Алиби. 75. Небо. 77. Ирбис. 78. Курс. 79. Кожух. 80. Налим. 82. Метан. 83. Нанка. 85. Азия. 86. Убор.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-39-01, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа. Изд. № 1281. Техредактор А. Котельникова.

А 33876. 3 п. л. Знаков в п. л. 105.000. Сдано в набор 28/XI—40 г. Подписано к печати 21/XII—40 г. Заказ № 4122. Тираж 300.000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

НКП РСФСР — ГЛАВСНАБПРОС

БАЗА ПО СНАБЖЕНИЮ и ТОРГОВЛЕ ДИАПОЗИТИВАМИ

ДИАПОЗИТИВТОРГ

Москва, ул. Разина, 3, пом. 74.
Телефоны: К 0-74-22, К 2-45-98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ на

ПЛЕНОЧНЫЕ ДИАПОЗИТИВЫ

к 23-й ГОДОВЩИНЕ КРАСНОЙ АРМИИ

ДИАПОЗИТИВЫ ВЫПУСКАЮТСЯ КОМПЛЕКТОМ.
В КОМПЛЕКТ ВХОДЯТ СЛЕДУЮЩИЕ СЕРИИ:

1. **Сталин и Красная Армия**; 2. **К. Е. Ворошилов**; 3. **М. В. Фрунзе**; 4. **В. И. Чапаев**; 5. **Н. Руднев**; 6. **Пархоменко**; 7. **Разгром Колчака**; 8. **Разгром Деникина**; 9. **Разгром белополяков**; 10. **Разгром Врангеля**; 11. **Разгром японских интервентов.**

Всего в комплекте — 1 260 кадров (изображений); цена комплекта в картонной коробке 90 руб.

ПРОЕКЦИОННАЯ АППАРАТУРА

1. **МАЛЫЙ ПРОЕКЦИОННЫЙ ФОНАРЬ** с кинонасадкой для переменного тока 110 или 220 вольт . . ц. 140 р. 60 к. (В заказе обязательно указывать вольтаж электроосветительной сети).
2. **ПРОЕКЦИОННЫЙ АППАРАТ «АЛОСКОП»**, работающий от переменного тока 110—120 и 220 вольт ц. 144 р. — к. Запасная лампочка . . . . ц. — 80 к.

[illegible]ОБРЕТЕНИЯ. Диапозитивы и аппараты продаются в мага- [illegible]БПРОСА, находящихся в областных, краевых городах [illegible]

[illegible] фонари также высылаются почтовыми по- [illegible]ТОРГА. Адрес для заказов: **Москва, 12,** ул. Ра[illegible]

Одновремен[illegible] через банк или послать почтовым [illegible]ых диапозитивов или задаток в размере [illegible] на расч. сч. ДИАПОЗИТИВТОРГА № 152003 [illegible] Госбанка г. Москвы. При высылке неполной суммы стоимости диапозитивов делается наложенный платеж. **Тара и пересылка за счет заказчика.**

ДИАПОЗИТИВЫ БУДУТ ВЫПУЩЕНЫ ИЗ ПЕЧАТИ В СРЕДИНЕ ЯНВАРЯ 1941 г. И БУДУТ РАССЫЛАТЬСЯ ДО 1 ФЕВРАЛЯ 1941 г.; В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ПОСТУПЯТ В НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЯ 1941 г.

Фабрика „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ"
ВЫПУСТИЛА НОВЫЙ ПРЕПАРАТ

Крем «Юно»,

ИЗГОТОВЛЕННЫЙ НА ОБЛУЧЕННОМ ЛАНОЛИНЕ и ОБЛАДАЮЩИЙ СВОЙСТВАМИ ЖИДКОСТИ „ЛОСЬОН-ЮНО".

Крем «ЮНО» применяется также в качестве ночного жирного крема для питания кожи и при чрезмерной сухости ее вследствие частого мытья мылом (например у медперсонала, домохозяек и пр.).

Крем «ЮНО» оказывает благотворное влияние при дряблости кожи, на открытые поры и при экземе (особенно сухой). Действие его на кожу сказывается через 30—40 минут после первого применения в усиленном приливе крови к коже, придавая ей мягкость, бархатистость и повышенную упругость.

Крем «ЮНО» имеет приятный запах, быстро всасывается и успешно применяется при жирной и особенно сухой коже.

Крем «ЮНО» быстро освежает и успокаивает раздражение кожи после бритья.

Крем «ЮНО» применяется очень просто. Способ употребления приложен к каждой коробке.

В ПРОДАЖЕ ИМЕЕТСЯ ТАКЖЕ ЖИДКОСТЬ

«ЛОСЬОН-ЮНО»,

незаменимое средство для ухода за кожей, содержащее активизированный ультрафиолетовыми лучами ланолин.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ.
МОСКВА, 133, Калужская застава, „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ"

Граждане, продавайте негодные вышедшие из употребления предметы хозяйственного и домашнего обихода из цветных металлов: **САМОВАРЫ, ЧАЙНИКИ, ПРИМУСЫ, КАСТРЮЛИ и ДР.**

ЛОМ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ПОКУПАЕТ ЧЕРЕЗ СВОИ КОНТОРЫ

„ГЛАВВТОРЦВЕТМЕТ"

Огонек
Цена 50 коп.